СМЕНА

9 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЕСНЯ КОМСОМОЛЬСКОГО ПАТРУЛЯ

Музыка Кирилла АКИМОВА.

Слова С. ГРЕБЕННИКОВА

и Н. ДОБРОНРАВОВА.

Зорче, зорче, патруль, гляди!
Тверже, тверже чеканный шаг!
Это кто там, кто впереди —
Друг заветный иль злобный враг?
В дымном зареве горизонт,
Небо взрывами в кровь окрашено...
На дверях: «Все ушли на фронт» —
Объявленье райкома нашего.

Припев:

Все видящий, все знающий,
Врага в лицо встречающий,
Патруль сквозь годы грозные идет.
Отважные товарищи,
Один приказ мы знаем лишь:
«Вперед!»

Мы с буржуем дрались неплохо,
Не сгибались под ветром пуль...
Слушай, слушай меня, эпоха:
Комсомольский идет патруль!
И поет о своей весне,
Никогда не забыть которую...
И идет по своей стране,
С Красной Пресни идет — в Историю!

Припев:

Все видящий, все знающий,
Нигде не унывающий,
Патруль на стройки юности идет.
Отважные товарищи,
Один приказ мы знаем лишь:
«Вперед!»

Вновь нам дал комсомол заданье,
Зорче, зорче, патруль, гляди!
Хулиганам и прочей дряни
Навсегда прегради пути!
И, как лучших своих друзей,
Нас встречают поля зеленые.
Мы идем по земле своей,
В наше время и в жизнь влюбленные...

Припев:

Все видящий, все знающий,
Нигде не унывающий,
Патруль на вахту мужества встает.
Отважные товарищи,
Один приказ мы знаем лишь:
«Вперед!»

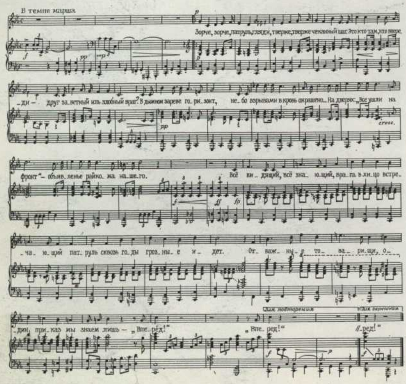


Рисунок Г. Бедарева.

Съезду навстречу

ВЕДУТ НАСТУПЛЕНИЕ СМЕЛЫЕ

Их семеро — веселых, неугомонных девушек: Люся Дроздова, Рая Трофимова, Галя Павловская, Люся Иванычева, Нина Воробьева, Ира Кабанова, Нина Лебедева. Пятеро из них — члены партии, две — комсомолки. Они работают в городе Ленина, на второй обувной фабрике «Пролетарская победа».

Девушки ведут дневник, ведут с того самого дня, когда два года назад решили жить и работать по-ленински, по-коммунистически. Я прочел эту летопись от первой до последней записи. То короткие, отрывочные, то подробные, иной раз занимающие по целой странице, они воссоздавали характер бригады, крепко спаянной дружбой, отличающейся духом поисков и творчества. Я узнал, что девушки шефствуют над детским домом, часто бывают у ребятишек и даже скучают, если не удается выбраться к ним недельку-другую... Узнал, что ездили они убирать целинный урожай, чуть ли не всей бригадой побывали на фабрике «Коминтерн» — требовали улучшить качество сырья; что в своем закройном цехе наладили художественную самодеятельность, регулярную читку газет и журналов... Была здесь и крате̇нькая запись о том, что бригадира Люсю Дроздову избрали членом обкома комсомола.

В дневнике я прочел обязательства бригады на 1961 год, третий год семилетки. В первом пункте, где шла речь о нормах выработки, я увидел поправку: вместо «105 процентов» стояла цифра «117». Дроздова пояснила: обязательства принимались накануне январского Пленума ЦК КПСС, а когда стало известно о созыве XXII съезда, девушки решили выполнить годовое задание за десять месяцев. Тогда-то и пришлось внести исправление в первый пункт.

Сто семнадцать — это здорово, это много, если учесть, что после перехода на семичасовой рабочий день нормы стали более жесткими. Сто семнадцать — это, по прошлогодней мерке, не меньше двухсот!

— Трудно будет девчатам,— призналась Люся и повторила: — Очень трудно. Мы долго спорили, прикидывали да рассчитывали. Но поправку внесли единогласно. А раз решили всей бригадой — значит, выполним.

Их семеро... Но сколько таких же неугомонных и на соседнем заводе, и в соседнем районе, и всюду, куда бы ты ни пришел. Трудно, но выполним, трудно, но сделаем в срок... Что ж, смелые не боятся трудностей, а смелых сотни и тысячи в любом трудовом коллективе! Как порадовался бы Владимир Ильич, глядя на поколение юных, поколение ленинцев, для которых борьба за производительность труда — «самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» — стала живым, практическим делом.

Красновыборжцы Лев Коньков и Василий Краснощеких вдвоем обслуживают волочильный стан, вытянувшийся едва ли не на полсотни метров. Стан новый, сложный, капризный, «характер» его еще до конца не изучен, ему даже планируют брак. Но двое комсомольцев, которые осваивают стан, обязались в честь предстоящего съезда партии не только перевыполнять задания, но и давать продукцию отличного качества. А свой опыт, свои приемы работы передать молодым волочильщикам цеха. Трудно, но будут и план и качество!

На Металлическом заводе мне показали снимок — знаменитую турбину мощностью триста тысяч киловатт. Снимок был не новый, такие уже публиковались в газетах. И тем не менее Слава Шестериков, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ, вынул его из толстой папки, словно редчайшую реликвию.

— Известно ли вам,— спросил он, улыбнувшись,— что эта турбина не значилась в плане шестидесятого года!

Да, турбину изготовили вне плана, на год раньше срока. Это они, комсомольцы Металлического, выступили инициаторами большого, трудного дела: построить агрегат не в третьем, а во втором году семилетки. Они создали штаб и начали сражение во всех цехах, на всех участках. Сорок шесть смен отработали инженеры технического отдела, выполняя чертежи для новой оснастки,— отработали на общественных началах! Десятки добровольцев из заводоуправления, из всех отделов и конструкторских бюро вышли на сооружение паротрассы. В отделе сварки завода инженеры и техники создали бригаду коммунистического труда и пошли работать в цех, вооружившись сварочными автоматами. Более восьмидесяти рейдов провели по заданию штаба комсомольцы завода, сотни «молний», «тревог», обращений, листовок призывали драться за турбину, зажигать на ее пути зеленые огоньки светофоров.

Комсомольцы жили этой турбиной. И они победили время — выиграли двенадцать месяцев!

— Спасибо вам, комсомольцы! — сказал на митинге директор завода.— Спасибо, молодые друзья!

Сейчас юноши и девушки Металлического завода взялись за новое большое дело. Они решили подготовить съезду партии замечательный подарок: построить мощный газотурбинный нагнетатель не в декабре, как намечалось планом, а к 17 октября этого года. Уже создан новый комсомольский штаб. Уже проведены первые рейды — все ли готово к новым боям...

Армия молодых ленинградцев охвачена громадным трудовым подъемом. И всюду, где бы ни заходила речь о будущем, о том, что предстоит сделать в третьем году семилетки, неизменно называют одну дату: день открытия XXII съезда КПСС. Комсомольцы решили рапортовать партии о своих успехах именно в этот знаменательный день.

Потомки штурмовавших Зимний, молодая гвардия города Ленина, вся наша советская молодежь ведут широкое наступление на рубежах семилетки. С неутомимой энергией претворяя в жизнь великие заветы Ильича, поколение ленинцев развивает ростки коммунизма, уверенно идет к победе коммунистического труда.

Н. ВАСИЛЬЕВ

Фото автора.

ЛЮСЯ ДРОЗДОВА И РАЯ ТРОФИМОВА... ДВЕ ДЕВУШКИ ИЗ БРИГАДЫ ЗАКРОЙЩИЦ. ДВА МОЛОДЫХ КОММУНИСТА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Год издания тридцать восьмой.

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

9 МАЙ 1961

«БУДЬ ХОЗЯИНОМ»

Виктор АСТАФЬЕВ

Крошка хлеба на землю
упала,
Меньше хлеба на крошку
стало.

Г. Люшнин.

Несколько лет назад мне довелось быть в одном из леспромхозов на самом Уральском хребте. Буквально в сотне метров от лесосеки стояла отметка: «Европа — Азия». Старые, седобровые горы, старая мшистая тайга и отметка на границе двух великих материков. Здесь как-то невольно чувствуешь себя торжественно и яснее сознаешь громаду Родины своей, необозримость и красоту земли. Здесь даже самые горластые люди успокаиваются, говорят тихо, а больше молчат. И вдруг злой голос порвал торжественную, густую, как пихтовая хвоя, тишину, в которую время от времени вонзался визг электропилы.

— Ты чего делаешь, а? Зачем ты этот кедр пилишь?

Я пошел на голос, радуясь тому, что встретил человека, который заступается за лес.

Возле огромного кедра, вывороченного бурей, стоял парень с электропилой. Его отчитывал мастер. Оправдываясь, парень говорил:

— Все одно пропадет же дерево... Так уж лучше его, чем здоровое валить. Не по-хозяйски это у нас получается...

— И пусть пропадает, не твое дело! — взорвался мастер. — Чего тычь с этой завалью возишься? Плана не помнишь?

Пусть пропадет! Да, да, он так и сказал. А я-то думал, что он за дерево по доброте душевной и по высокой сознательности заступился. А ему, видно, абы только план дать, а какие деревья валить — все равно. А ведь от ветровала на Уральском массиве ежегодно гибнут миллионы кубометров престарелого леса. Почему же не использовать его?

Я смотрел на молодого парняпильщика, который мыслил куда государственней, чем его начальник, и думал: хорошо бы тебе, комсомолия Урала, взяться по-рабочему за тех, кто сводит леса, за тех, кто живет только сегодняшним днем и бездумно переводит бесценные народные богатства: лес, металл, уголь...

Я не случайно начал эти заметки с леса, с природы. Говорят, что человеческая жизнь берет начало в любви. Да, это так, но и любовь тоже имеет свое начало. Ее начало — природа. Но вот уже столетия она нередко терпит истязания и обиды от тех, кого породила, — от нас, людей. Пусть каждый оглянется на свою жизнь и хотя бы приблизительно подсчитает: сколько он разорил гнезд, срубил деревьев, рассыпал зерен, сорвал цветов и сколько посадил за это же время. Может быть, с этого подсчета начнется то уважение, та любовь к родной земле, к добру народному, к труду человеческому, о которых мы много говорим.

Вот почему меня так несказанно обрадовал призыв ЦК ВЛКСМ к комсомольцам и молодежи объявить войну расточителям народного добра, обращение, в котором по-хозяйски сделан подсчет нашим непроизводительным потерям.

В нем есть замечательные слова: «Вокруг нас — наше богатство. Мы отвечаем за него».

Да, кому много дано, с того много и спрашивается. И коль живешь ты на такой богатой и большой земле, так будь же достойным ее хозяином.

Хозяином, конечно, быть нелегко — это давно известно. Надо за всем следить, ругаться, требовать, а порой и драться. Ведь никто не сказал пока: ну, братцы, мы всего достигли, у нас все есть, теперь можно и поблагодушествовать... Нет, у нас еще многого недостает. А мы вот не всегда это понимаем, разбрасываемся добром.

Есть у меня знакомая уборщица. Так вот эта тетя ежегодно выкармливает кабана теми кусками, что собирает в коридоре, буфете, в урнах. В урнах! Хлеб бросают в урны! Хлеб! Слово-то какое! Да его надо писать во всех учебниках с заглавной буквы. Вспомните, ведь всего лишь четырнадцать лет назад у нас были карточки, и мы берегли их пуще глаза и дорожили каждой корочкой хлеба. Мне скажут: кто старое помянет — тому глаз вон. Но на это можно не менее резонно ответить: кто старое забудет — тому оба вон! Я никогда не бывал в Ленинграде. Но великую трагедию этого города помнит каждый из нас. Помню, еще в солдатах смотрел простой и потрясающий фильм «Жила-была девочка». Смотрел и плакал. Я плакал потому, что вспоминал, как на пригородную станцию Красноярска прибыл эшелон эвакуированных из Ленинграда детей. Последний в этом эшелоне вагон был забит ребятишками, умершими в пути от голода. Мне пришлось вместе с другими работниками станции хоронить их. Нет, этого я не забуду, не могу забыть, не имею права.

Я спросил как-то у одного из ленинградцев:

— Ну, а у вас, в Ленинграде, тоже бросают хлеб?

— Бросают, — сумрачно выдохнул он и развел руками.

Не часто ли мы прибегаем к этому умиротворительному жесту? Надо протестовать, бороться против равнодушия к хлебу, а значит, и к труду.

У нас идет грандиозное строительство. Мы спустили со стапелей атомный ледокол, отправили на Луну вымпел, совершили полет в космос. Советский человек творит чудеса! Но допустите такую крайность: отнимите у людей хлеб — и все замрет, все остановится.

У нас много хлеба. У нас много всего. Но значит ли это, что мы можем бесхозяйственно относиться к народному добру, к богатству, созданному народным трудом, твоим трудом?

А сколько еще гибнет, пропадает, вылетает на ветер хлеба, ценных материалов, электроэнергии! Я видел, как дымились в первые годы освоения целины огромные бурты хлеба на степных станциях. Хлеб вырастили, собрали и... сожгли. Не успели, не сумели построить достаточное количество элеваторов, потеряли сотни тысяч пудов хлеба.

Но, может, не теряем сейчас? Может, все уже в порядке? Нет. Еще и по сей день у нас зерно подсыпается на целинных землях под буксующую машину, а на складах и хлебозаводах тонны муки, подмоченной, подпорченной, списываются на усушку, на утруску и т. д. Еще лежат вдоль желез

Из металла, ежегодно идущего в отходы, можно изготовить 30 тысяч вагонов, 20 тысяч тракторов, миллион автомобилей.

* * *

При наших гигантских масштабах производства каждый сэкономленный килограмм металла, топлива, цемента, каждый киловатт-час энергии, каждый сбереженный рубль складывается в тысячи тонн сырья и материалов, миллионы рублей, которые могут быть поставлены на службу семилетки.

* * *

Снизить себестоимость строительно-монтажных работ только на один процент — значит получить возможность дополнительно построить за семилетие 300 тысяч квартир или 4 тысячи новых школ.

* * *

Тонны сбереженного металла и сырья, миллионы сэкономленных рублей, приведенные в действие новые резервы производства послужат дальнейшему подъему народного хозяйства и повышению жизненного уровня нашего народа. Это будет хорошим подарком молодого поколения Советской страны XXII съезду родной Коммунистической партии.

* * *

Устранить бесхозяйственный расход электрической энергии в промышленности и на транспорте — значит включить в энергетическую сеть страны еще одну мощнейшую в мире Куйбышевскую гидроэлектростанцию.

нодорожных путей горы ценных
удобрений, ржавеет на совхозных
уса… …ских дворах
нуж…
Я… …требляет-
ся… …аселения.
Но… …больше,
че… …леб у нас
е… …роны. Им
к… …у, коз, ко-
р… …дят на са-
м… …ют все, что
в… …е в ответе,
у… …ого у нас

…ренебрежи-
… относиться

…ого расточи-
…ственности —
…тив равноду-
…й является са-
…ом человече-
…нашей стране.
…равнодушие к
…щей, если на
…иятиях исполь-
…случае сорок
…ляемой древе-
…горит, гниет, то-
…мало ли у нас та-
…фабрик, где черт
…добро, за которое
…ы золотом другие
…торого нам самим
…остает?
…имеру, неразбери-
…твенности на строй-
…ы испытываем ост-
…строительных мате-
…у что строим много,
…о. Казалось бы, нам
…о беречь, по-хозяй-
…я к тому, из чего де-
…жилье. Ан нет! Раз-
…орму кирпича — и на
…обязательно останет-
…а. Повезут в самосва-
… — непременно часть
…ют, часть на стройпло-
…теряют, а потом еще ка-
…од ноги «излишки» спус-
…шь, в дело ушло всего
…ала.
…вались у шофера излиш-
…на оттого, что «добрый»
…к приписал ему рейсы. И,
… оглянувшись, шофер уст-
…кулику» — сливает бензин
…ю. Другой пример: три
…ет пароход по Куйбышев-
…морю, и три дня навстречу
…ывет мертвая рыба. Замор.
…готовили как следует ло-
…ря, не очистили его, да еще
…риятия на Каме и Волге от-
…в воду напустили. Подобные
…ы были на Камском море и
…ногих других водохранили-
… Где же вы были, комсомоль-
…олжане? Куда смотрели? По-
чему молчали?

А бывает порой и так. Перевыполнили, к примеру, план шахтеры треста «Кизелуголь», и вот уже возле многих шахт лежат огромные горы черного золота. Иной раз лежат до того, что гореть начинают. Почему? Оказывается, все дело в том, что железнодорожники планируют строго определенное количество порожняка под уголь, а сверхплановый ими не предусмотрен. Что из того, что страна испытывает большую потребность в топливе,— не предусмотрено, и все тут!

А ведь и хлеб, и уголь, и бензин, и лес — все это большой человеческий труд, труд людей, созидающих сегодня коммунизм. Так как же можно этот великий, этот святой труд так бездумно пускать на ветер?

Замечательнейшее, благороднейшее дело начали комсомольцы Латвии, выступившие в поход против потерь в народном хозяйстве. Сегодня в это движение включились комсомольцы Ленинграда, Свердловска, Сталинграда, Башкирии, Сибири... Есть уже и первые результаты. В прошлом году молодые сталинградцы сэкономили столько металла, что из него можно сделать пятьсот тракторов. Подмосковные комсомольцы сэкономили 130 миллионов киловатт-часов электроэнергии, иными словами, «построили» целую электростанцию. В Архангельской области молодой инженер, приняв леспромхоз, взамен каждого срубленного дерева сажает новое, а хвоя, сучки, вершинки — все отходы у него идут в дело. Радостно все это? Да! Очень!

Меня, как и всякого советского человека, радует тот трудовой энтузиазм, тот небывалый подъем, которым охвачен сейчас, в преддверии XXII съезда партии, наш советский народ. И особенно радует то, что именно в дни предсъездовского соревнования комсомол наш начал поход за экономию и бережливость. Хватит разбрасываться добром. Своим добром! Довольно мириться с тем, что мы ежегодно швыряем в отходы 160—170 миллионов кубометров древесины. Для сравнения скажу, что из одного кубометра древесины можно было бы изготовить полторы тысячи метров искусственного шелка.

В прошлом году у нас ушло в стружку 7 миллионов тонн металла, было перерасходовано 11 миллиардов киловатт-часов электроэнергии — это ровно столько, сколько вырабатывает Куйбышевская ГЭС.

Но хватит этих примеров. Душа болит, когда вдумываешься в такие цифры, сердце наполняется гневом!

Комсомолец! Тракторист ли ты, металлург ли, строитель ли, где бы ты ни был — в далекой ли Сибири на новостройке, в открытом ли море на рыбацком судне, в поле на тракторе, у ткацкого или токарного станка,— услышь эти слова призыва ЦК ВЛКСМ! И пусть беспощаден будет твой голос, не дрогнет твоя рука, когда ты схватишь делягу-«хозяина», который ради своей маленькой корысти губит рыбью молодь, гноит лес, выбрасывает в небо тысячи тонн цемента, беззаботно сжигает добытый тобой уголь, расшвыривается металлом.

Центральный Комитет ВЛКСМ призвал тебя организовать дружины по борьбе с бесхозяйственностью и расточительством, вступать в отряды бережливых, установить комсомольский заслон потерям. «Создание материально-технической базы коммунизма немыслимо без строжайшего режима экономии, неразрывно связано с неустанными поисками и использованием новых резервов производства»,— говорится в постановлении ЦК ВЛКСМ.

Теперь за дело! Помни, ты живешь в самой прекрасной стране — стране, в которой торжествовать коммунизму. Так украшай ее, береги то, что принадлежит тебе и народу твоему. Будь рачительным хозяином, а не мотом. И нет сомнения, что сэкономленные тобой металл и уголь, электроэнергия и цемент будут дорогим подарком молодого поколения Страны Советов XXII съезду родной Коммунистической партии.

ФОРУМ — МЕЖДУНАРОДНАЯ ВСТРЕЧА МОЛОДЕЖИ НА «ВЫСШЕМ УРОВНЕ»

Она живет в Риме, возглавляет там газету «Нуовэ Дженерационе». Ее зовут Лючиана Кастеллина. В сентябре прошлого года ее избрали членом постоянного секретариата Форума. Сейчас она приехала в Москву и представляет в секретариате молодежь Европы.

Дом № 11 по Новокузнецкой улице, где работает сейчас Лючиана, называли «тихим особняком». Но с тех пор, как у двери появилась голубая доска, где на разных языках написано, что тут штаб-квартира будущего совещания молодежи,— он перестал быть тихим.

Лючиана рассказывает:

— Наш особняк стал перекрестком идей. Вот, пожалуйста, взгляните на эти письма; их много, они различны не только по языку и странам. Их авторы порой резко противоположных политических убеждений. Но их сближает одно: единодушное одобрение идей всемирной встречи для обсуждения главных вопросов современности. Вот возьмем наугад:

«...наша организация с энтузиазмом поддерживает это мероприятие в пользу молодежи всего мира, так как на Форуме будут обсуждаться проблемы, которые нас волнуют в настоящее время.

...молодежь должна играть главную роль в преобразованиях, происходящих в мире, молодое поколение должно, следовательно, участвовать в укреплении мира, мирного сосуществования». Это пишет конфедерация молодых мексиканцев.

Всемирный форум молодежи, который состоится в Москве в конце июля, встретил горячую поддержку и одобрение более 300 молодежных и студенческих организаций,— продолжает Лючиана.— Назрел момент от обмена делегациями между странами перейти к всеобщей дискуссии, в которой участвовали бы представители всех организаций мира. Вот почему идея проведения Всемирного форума получила широкий отклик во всех уголках земного шара. Везде понимают, что Форум способен помочь молодежи сделать шаг к сближению.

— Чем отличается, по вашему мнению, форум от фестиваля? — спросили мы Лючиану.

— Прежде всего тем, что, хотя в Москву приедут всего 700 делегатов, Форум явится высшей ступенью сближения молодежи. Это становится понятным, если представить себе, что за этими 700 стоят молодые люди всего мира. Если на фестиваль мог приехать каждый и представлять свою собственную персону, то форум — это встреча полномочных представителей, каждый из которых представляет большинство. Это встреча молодежных послов на высшем уровне,— улыбаясь, говорит Кастеллина,— именно в этом главное значение московской встречи. И мы надеемся,— продолжает она,— что Форум окажет намного большее влияние на молодежь, чем любые предыдущие.

— Какие доклады будут на Форуме?

— Дело в том, и я не могу не отметить этого,— говорит Лючиана,— что по всем 8 пунктам повестки дня будут выступать представители различных взглядов. Так, например, по первому пункту—«Молодежь, взаимопонимание, сотрудничество и мирное сосуществование» — секретариат подготовительного комитета Форума предполагает доклады представителей трех стран—СССР, США и Индии. Таким образом, уже по первому вопросу выскажутся представители лагеря социализма, капитализма и так называемых нейтральных стран.

Недавно на пресс-конференции, которую устраивал постоянный секретариат Форума, корреспондент агентства Рейтер спросил нас: «Кто будет выступать от Англии и Индии: представители проправительственных молодежных организаций или оппозиционных?»

Я ответила ему: «Двери Форума открыты для всех без исключения. Но нужно, чтобы представитель Англии отразил мнение большинства, независимо от того, лейборист он или коммунист.

Ничего, если мнения будут различны и дискуссия будет носить острый характер, признание необходимости мирного сосуществования и права народов на независимость позволяет нам верить в возможность разрешения любого вопроса».

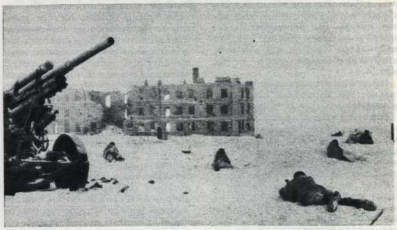
Мы еще не знаем, кто будет представлять американскую молодежь. Многочисленные разногласия мешают создать им единую делегацию для участия в Форуме, и все это может привести к тому, что они окажутся в стороне от рассмотрения международных вопросов.

Подготовка к Форуму с каждым днем приобретает все больший размах,— продолжает Лючиана. — Повсеместно создаются национальные комитеты. В Японии пять основных молодежных организаций создали национальный комитет, который вот уже несколько месяцев занимается подготовкой к Форуму.

Недавно мы получили письмо из Боливии. В нем сообщается, что в национальный комитет по подготовке Форума вошли представители восьми молодежных организаций, представляющих все идеологические течения страны (радикальное, коммунистическое, католическое, демократическое).

С особым энтузиазмом готовятся к Форуму юноши и девушки Африки. В декабре месяце прошлого года второй конгресс конфедерации студентов североафриканских стран принял резолюцию, в которой одобряется идея Форума и рекомендуется конфедеральному совету хорошо подготовиться к предстоящей международной встрече.

ДНЕМ И НОЧЬЮ ФАШИСТЫ БРОСАЛИ НА СТАЛИНГРАД СОТНИ БОМБАРДИРОВЩИКОВ, ПЫТАЯСЬ ВСЕМИ СИЛАМИ ОВЛАДЕТЬ ВОЛЖСКОЙ ТВЕРДЫНЕЙ. НО И РАЗРУШЕННЫЙ, ГОРОД ОСТАВАЛСЯ ДЛЯ ВРАГА НЕПРИСТУПНОЙ КРЕПОСТЬЮ. СОВЕТСКИЕ ВОИНЫ УДИВИЛИ МИР НЕВИДАННОЙ СТОЙКОСТЬЮ, МУЖЕСТВОМ И ОТВАГОЙ... ЗДЕСЬ И НАЧАЛСЯ В НОЯБРЕ 1942 ГОДА РАЗГРОМ ГИТЛЕРОВСКИХ ВОЙСК, ЗАВЕРШИВШИЙСЯ ПОЛНОЙ ПОБЕДОЙ.



В НОЧЬ ВРАГ БЫЛ ВЫБИТ ИЗ ОДИНОКОГО ДОМА, СТОЯЩЕГО НА ПУСТЫРЕ ВБЛИЗ РЕКИ ЦАРИЦЫ. НА ЗАРЕ СОВЕТСКИЕ ВОИНЫ ПРОДОЛЖАЛИ НАСТУПЛЕНИЕ.

В ГОРОДЕ НЕМЕРКНУЩЕЙ СЛАВЫ

Блокнот фотокорреспондента — это сотни метров заснятой пленки. Обработанная в походной автомашине, претерпевшая множество внезапных перемещений, пленка не всегда была идеальной, но запечатленные на ней кадры остаются на всю жизнь незабываемыми. Вот несколько не публиковавшихся ранее кадров из моего фронтового фоторепортажа, сделанных в дни героической обороны Сталинграда.

Фото Г. Липскерова.

ВСЕГО В НЕСКОЛЬКИХ КИЛОМЕТРАХ ИДУТ НЕПРЕРЫВНЫЕ БОИ ЗА СТАЛИНГРАД. ВРАГ БРОСАЕТ ВСЕ СИЛЫ, ЧТОБЫ ОВЛАДЕТЬ ГОРОДОМ, А ЗДЕСЬ, В ЗЕМЛЯНОЙ НИШЕ, ВЫРЫТОЙ В ВЫСОКОМ БЕРЕГУ ВОЛГИ, ИДЕТ ПОВСЕДНЕВНАЯ РАБОТА. КОМИССАР АЛФЕРОВ ВЫДАЕТ ПАРТДОКУМЕНТЫ ВНОВЬ ПРИНЯТОМУ В ПАРТИЮ КРАСНОФЛОТЦУ ЗЕНКОВУ.

ЕЩЕ НЕ ОСТЫЛА ЗЕМЛЯ, ЕЩЕ ПАХНЕТ ДЫМОМ И ГАРЬЮ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ СТАЛИНГРАД, А НА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ, НАСКОРО РАСЧИЩЕННОЙ ОТ ОБЛОМКОВ КИРПИЧА И МЕТАЛЛА, СОБРАЛИСЬ НА МИТИНГ ГЕРОИЧЕСКИЕ ЗАЩИТНИКИ ГОРОДА — ЖИТЕЛИ И БОЙЦЫ. МИТИНГ ПОСВЯЩЕН РАДОСТНОМУ СОБЫТИЮ — ОСВОБОЖДЕНИЮ СТАЛИНГРАДА ОТ ВРАГА.

ПРОРОЧЕСКИ ПРОЗВУЧАЛИ СЛОВА ЧЛЕНА ВОЕННОГО СОВЕТА ФРОНТА Н. С. ХРУЩЕВА: «ОБРАТНЫЙ ПУТЬ «ЗАВОЕВАТЕЛЯМ» ТОЛЬКО В МОГИЛУ».

ФЕЛЬДМАРШАЛЬСКОЕ ЗВАНИЕ, МИЛОСТИВО ПРИСВОЕННОЕ ГИТЛЕРОМ, НЕ ПОДСЛАСТИЛО ГОРЕЧИ ПОРАЖЕНИЯ И ПЛЕНА ГЕНЕРАЛУ ФОН ПАУЛЮСУ (НА СНИМКЕ — ПЕРВЫЙ СЛЕВА). ИЗВЛЕЧЕННЫЙ ИЗ ПОДВАЛА СТАЛИНГРАДСКОГО УНИВЕРМАГА ВМЕСТЕ СО ШТАБОМ, ОН ЖДЕТ, КОГДА ПРИДЕТСЯ ПРЕДСТАТЬ ПЕРЕД КОМАНДУЮЩИМ 64-Й АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛОМ М. С. ШУМИЛОВЫМ.

Тамара ИЛАТОВСКАЯ,
специальный корреспондент
«Смены»

Рисунки Гл. Бедарева.

СОЛНЦЕ НАД САКАРТВЕЛО*

(К 40-ЛЕТИЮ ГРУЗИНСКОЙ ССР)

Страна солнца и виноградных лоз, снежных вершин и неистовых рек, страна апельсинов и благородного лавра. Страна древних эпосов, Руставели, Чавчавадзе и Палиашвили. Такой воспевали Сакартвело поэты.

За последние сорок лет мы узнали и другую Грузию. Грузию мощной индустрии и всеобщего образования. Тбилисские электровозы мчатся по стальным магистралям всего Союза. Чиатурский марганец вкрапливается в высшие марки отечественной стали. Могучие электростанции отдают людям бешеную энергию горных рек. Душистый грузинский чай изготовляется на фабриках, оборудованных по последнему слову техники.

Но главное завоевание социалистической Грузии — ее люди, талантливая, трудолюбивая молодежь.

Я листаю свои путевые блокноты и наугад выбираю четыре имени — четырех человек из тех, с кем довелось мне встретиться в Грузии этой весной.

* Сакартвело — Грузия (груз.).

ВЕТЕР В ГОРАХ

— Ай, послушай, соседка, что опять натворил твой бичо! Вся школа шумит, как отара овец, в которую ворвался волк! Какой позор — он притащил чонгури [1] и посреди урока во весь голос пел серенады маленькой Лейле. Все классы высыпали посмотреть, кто этот разбойник...

Целый день Тамаз бродил по горам. Красивы горы у Чиатуры — зеленые, в сиреневой дымке, или черные, в самое небо, изломанные обвалами, сочащиеся марганцем. Тамаз знал такие места, откуда можно смотреть на город, как в волшебную подзорную трубу. Ляжешь, свесишь голову вниз — тугой воздух ударит в лицо и в глазах зарябит от огней. Чиатура расплеснулась по обступившим ее горам, как вода по качнувшемуся кувшину. Некоторые дома забрались к облакам в гости и оттуда с дерзким вызовом смотрят вниз. Старухи в черных платках и мягких туфлях не решаются спускаться с такой кручи в город. Тамаз знает всю Чиатуру наизусть и радуется каждому новому огоньку. Сейчас их становится все больше, будто кто-то горстью сыплет в ущелье пушистые золотые светляки. За «публичную серенаду» Тамаза исключили из восьмого класса. А разве он плохо пел? И очень нужна ему Лейла — эта капризная девчонка с коричневыми козьими глазами! Весь город говорит теперь, что он позорит имя заслуженного артиста республики Михаила Вашадзе, имя своего отца. Пусть говорят! Зато никто так не ходит по горам, как Тамаз, и старшеклассники уступают ему дорогу, даже если их трое, а он один.

Тамаз разделся и прыгнул в Квирилу. Недаром ее зовут Грохочущей рекой: весной она заливает мост. Он лег на спину и стал смотреть вверх. Мимо проплывали скалистые берега, застроенные фабриками, закоптелыми автобазами, конторами. Чиатура — город черного камня — «шави ква». Вагоны, груженные марганцем, разбегаются отсюда по всей стране. А ведь всего за десять лет до рождения Тамаза из Квирильского каньона жал черную кровь концессионер Гарри Гариман. Когда учитель рассказал об этом, Тамаз убежал с уроков: его душило бешенство.

Отец надеялся, что в бурном темпераменте сына таится арти-

[1] Чонгури — народный грузинский музыкальный инструмент.

стическая одаренность, и поощрял его любовь к сцене. Тамаз с удовольствием играл «в толпе». Его наблюдения со сцены давали ему богатый материал для шуток, от которых друзья хватались за животы. Но роль безмолвного статиста быстро надоела. И на одной генеральной репетиции Тамаз вдруг довольно бездарно выпалил целую фразу собственного сочинения. Михаил Симеонович подумал: «Из него никогда не получится хорошего артиста. Он слишком легкомыслен». Тамазу же он сказал:

— Я не хочу тебе что-нибудь навязывать, но у каждого человека должна быть своя дорога. Ты должен подумать, как жить.

Тамазу было пятнадцать лет, когда он впервые надел рабочую спецовку. С тех пор каждый рассвет он встречает на чиатурских стройках. Но настоящим строителем, тем Тамазом Вашадзе, которого знает вся Грузия, он стал, когда его назначили бригадиром одной разболтавшейся бригады. Тамаз сказал тогда:

— С этого часа мы будем давать две нормы. Потом — разговоры, кто сколько пожелает. Но до этого две нормы. Кто не хочет работать, как комсомолец, может уйти.

В тот день из бригады ушло тридцать человек. Осталось десять. С этими десятью Тамаз сделал вдвое больше, чем делала вся бригада.

Потом в Чиатуру пришла исполинская стройка — целый горный комплекс Дарквети: рудник, обогатительная фабрика, подвесные дороги. Страна с нетерпением ждала высококачественный грузинский марганец. Комсомол объявил стройку ударной. Тысяча семьсот юношей и девушек прибыли в Квирильское ущелье. Они разбились на двадцать две бригады и пошли на штурм Дарквети. Среди них была и бригада Тамаза Вашадзе.

Целыми неделями бушевал ветер. Такие безжалостные, пронизывающие ветры бывают только в горах. Даже звезды, казалось, сорванные со своих мест, неслись по небу, как золотая пыль. Чтобы хоть немного согреться, жгли старые покрышки. Покрышки выбрасывали черную копоть и рассыпались нежной зеленоватой золой. Эту теплую золу хотелось растереть по растрескавшимся от ветра щекам.

Бригада Тамаза готовила фундаменты для стометровых опор подвесной дороги. Это три тысячи кубометров скальных работ и тысяча кубов бетона. Они сидели на верхушке горы, в пятнадцати километрах от города. Единственное убежище — двухэтажная избушка — было три шага в длину и четыре в ширину. Но там они бывали редко, потому что работали 18 часов в сутки. Однажды ночью после проливного дождя одно звено не выдержало и ушло. Тамаз заметил исчезновение и отправился на поиски. Никто не знал горы так, как он. Через час Тамаз догнал беглецов. Они долго курили. Потом Тамаз сказал:

— Кто спорит? Работать здесь тяжело. Вы правильно сделали, что ушли. Я бы тоже ушел, если бы потерял совесть...

Черный, худой Вано сердито сплюнул:

— В тебе, Тамаз, сидит черт: ты всегда сделаешь так, как захочешь.

Звено вернулось, бетонировало всю ночь и дало три нормы.

Работа, на которую придирчивые плановики отвели полгода, была выполнена бригадой Вашадзе за 55 дней! Гигантские столбы дорожных опор рванулись вверх, и небо заполоскалось на них, как флаг.

Ветер повсюду преследовал строителей: и когда на восьмидесятиметровой высоте балансировали они на ажурных каркасах галерей и когда, подвесившись на ремнях, выкладывали торец могучей даркветской фабрики. Это было особенно тяжело — двенадцать часов на весу. Но Тамаз знал: ребята работали бы и двадцать четыре часа, лишь бы наверстать пятимесячную задержку, происшедшую по вине поставщиков. Гордость республики — даркветский гигант — должен был вовремя вступить в строй. Иногда бригада Вашадзе по две смены не уходила со строительных площадок. И никто не мог постичь, каким образом в этой горячке ухитрился Тамаз закончить вечернюю школу и подготовиться в строительный институт.

— ...Послушай, соседка! Портрет твоего сына опять напечатали в газете. Здесь пишут, что Тамаз — один из лучших бригадиров республики. Наш Дарквети не сдали бы в срок, если б не такие орлы, как он... О нем говорили на совещании строителей в Кремле. Это большая радость для нашего города...

Сейчас в Чиатуре часто говорят о Тамазе Вашадзе. У него много друзей. Но лучше всех его понимает отец. Он никогда не вздыхает, когда Тамаз целыми днями пропадает на стройке, и будто не замечает, что тот совсем перестал ходить на репетиции. Сын выбрал дорогу в жизни. В конце концов каждый человек может быть артистом в своем деле...

ЭТЮД ШОПЕНА

За окном весна. Весь Тбилиси благоухает, как цветущий миндаль. Солнце лужицами расплывается по комнате, особенно много его на рояле. Пальцы сами бегают по клавишам, и Элисо кажется, что это не мелодия, а звонко накрапывает солнечный дождь. Шопен...

Бабушка дремлет в кресле, уронив седую голову в кружевной воротничок. Бабушка спит, но стоит Элисо чуть-чуть сбиться, губы прошелестят: «Три пиано, три пиано, Элисо...» Вот уже десять лет повторяются эти уроки — с того дня, как Элисо стала разбирать ноты.

Больше всего на свете бабушка любит Шопена. Прекрасный профиль мятежного поляка резко обрисовывается на стене. Элисо едва научилась ходить, когда бабушка подвела ее к этому портрету:

— Знаешь, милая, что говорил этот человек? Он говорил: для музыканта нет ничего прекраснее родины и свободы...

С тех пор Элисо часто слышит эти слова.

«Кристальная душа» — так звала бабушку ее знаменитая учительница Анна Есипова. У бабушки и сейчас круглеют от удивления глаза: «Вай мэ, откуда ей было знать, какой я человек?» Но талантливые люди всегда все знают: у них словно солнце в голове. Элисо улыбается, вспоминая, как волновалась, садясь за рояль на «четверге» у Гольденвейзера. Даже на сцене Большого зала консерватории, даже когда председатель жюри Всесоюзного конкурса молодых исполнителей объявил: «Третье место заняла восемнадцатилетняя студентка Тбилисской консерватории Элисо Вирсаладзе»,— даже тогда она волновалась меньше. Почему? Может, потому, что чувствовала: мудрый патриарх советского исполнительства может все прочитать в душе, все, чего не скажешь даже самому близкому человеку. И как она была счастлива, когда ее игра до слез растрогала старого музыканта!..

Московский конкурс этого года был серьезной проверкой. Пятьдесят три великолепно подготовленных музыканта приняли участие в нем. Элисо оказалась третьей...

— Ровнее, Элисо, ровнее...

Звуки бушуют, как солнечный поток. Это уже Моцарт. Вдохновенное исполнение моцартовской сонаты сделало Элисо лауреатом Венского фестиваля. Потом, в Польше, во время декады грузинского искусства, какой-то студент пробрался к самой сцене и сказал ей по-русски: «Я никогда не был в Советском Союзе, но, слушая вас, я понял, как прекрасна ваша земля...»

Светлое ощущение жизни и Родины пришло к ней как будто само. На долю Элисо всегда доставалось только счастье. Может, поэтому бабушка так часто рассказывает ей о прошлом?

Настеньке Вирсаладзе, дочери кутаисского врача, удивительно повезло. Услышав ее игру, Настю взяла к себе в класс Анна Есипова. Прославленная пианистка вернулась тогда на родину, отвергнув все блага, предложенные Европой. «Я хочу работать там, где родилась и получила образование»,— сказала она репортерам. Пять лет были для Настеньки сплошным блаженством. Уроки, инструменты, клавиши которых хранили прикосновения Рахманинова и Рубинштейна, концерты величайших пианистов мира. Мастерство Анастасии Давидовны Вирсаладзе достигло того уровня, когда можно было щедро отдавать его людям.

Но когда Анастасия Давидовна переехала с мужем в Тбилиси, ей сразу дали понять, что грузинской женщине неприлично заниматься чем-то другим, кроме собственного дома и семьи. Преподавать? Ни в коем случае. Это исключено. Пришлось сидеть дома. Иногда вдруг находили острые приступы тоски. Очевидно, Анастасию Давидовну ожидала обычная участь одаренных грузинских женщин, чьи способности постепенно угасали в семейном кругу, не находя себе применения. Но в Грузии назревали бурные события. Шел 1921 год...

И вот однажды в дверь громко постучали.

— Настенька, это тебя! — позвал муж.— Ничего не понимаю: повестка. Можно подумать, что тебя вызывают в суд.

Анастасия Давидовна нетерпеливо разорвала конверт.

— Нет, Спиридон, это из консерватории...

...Хрупкая женщина в темном платье нерешительно остановилась в дверях. Чего хотят от нее эти люди? Да, кажется, она знает многих из них: тот, седой, профессор консерватории, а это сам Дмитрий Игнатьевич Аракишвили... От хороших слов, сказанных ей, Анастасия Давидовна совсем смутилась. Потом все подняли руки. После ей объяснили, что это значит: ее выбрали преподавателем консерватории. Молодой Советской власти сразу потребовался ее талант.

Придя домой, она испугалась: «Вай мэ, как я буду учить детей? Я совсем не умею». И заплакала.

На первом уроке Анастасия Давидовна сперва растерялась и не знала, с чего начать. На нее смотрели горящие глаза учеников. И тогда она сделала так, как когда-то ее учительница: села за рояль и стала играть. Революционный этюд Шопена. Она всегда любила Шопена, этого Рафаэля рояля, как звал его Гейне. Она играла и видела освобожденный Тбилиси: Куру, убегающую в синюю даль, разметавшиеся по горам точеные улицы, изумрудные пятна парков. Теперь она знала, чему будет учить этих юношей,— не только виртуозной игре, но и острому восприятию мира, трепетной любви ко всему живому, человечности, свободе.

Если записать всех пианистов, кто унес в своем сердце уроки народной артистки республики профессора А. Д. Вирсаладзе, получится многостраничный список. В нем много блестящих имен, есть и молодые пианисты, уже завоевавшие известность, такие, как Л. Власенко и Д. Башкиров. А совсем недавно Большой зал Московской консерватории рукоплескал юной Элисо Вирсаладзе. Яркое музыкальное дарование, приведшее когда-то к Есиповой дочь кутаисского врача, вдруг с новой силой вспыхнуло в большеглазой внучке Анастасии Давидовны. Элисо всего восемнадцать лет, но на ее концерты невозможно достать билеты.

...Последний аккорд замирает в рояле. Анастасия Давидовна открывает глаза. Взгляд их светел, как полвека назад.

— Сегодня ты хорошо играла, Элисо... И запомни: не нужно садиться за рояль, если тебе нечего сказать людям.

Беспокойный человек

Если говорить правду, очень он беспокойный человек, этот Василий. Каждое утро немножко хитрит сам с собой: обязательно пройдет не прямо к себе на участок, а через сборку, мимо нового электровоза «Т-8». Рукой погладит его широколобую, умную морду, по-хозяйски ковырнет глазом веселые машинные внутренности.

— Ну, как, дорогой, скоро побежим?

Потом обойдет тесный ряд монтирующихся электровозов. Ай, не торопятся строители, а новые площади вот как нужны! Совсем невозможно стало работать. Нужно зайти к строителям, поторопить.

Василия Папинашвили, сына потомственного паровозного ремонтника Александра Папинашвили, можно назвать крестным отцом этих электровозов. Из его рук три года назад вышел с завода первый грузинский электровоз. Зеленый, длинноногий, вроде цикады. Поздно было — час ночи. Тогда еще корреспондент городской газеты проспал. Потом кричал:

— Ва, зачем не разбудили? Остановите, пожалуйста, электровоз!

Заводские ребята только усмехались. Остановить... Что ж, остановить совсем просто: взялся машинист за рычаг — и замрет громадина, как хевсурский конь над пропастью. Только при чем тут машина, если человек любит долго спать? В наше время нельзя долго спать. Электровоз не остановили.

Отец рисовал когда-то маленькому Василию старые паровозы, еще до революции выползавшие из ворот завода. Машины были смешные и неуклюжие, у некоторых на толстых боках спесиво набухали иностранные буквы. А теперь тбилисский завод будет выпускать сотни мощных электровозов.

Бригада Папинашвили работает на участке пневматических тормозов. Здесь резвое сердце электровоза как бы учится дисциплине: «полный — средний — малый — стоп!» Целыми днями шестеро парней плетут из трубочек и труб фантастические линии и узлы. Лучшая бригада на заводе и беспокойная, как и сам бригадир, все что-нибудь придумывает.

Как-то прошлой весной подошел Василий к мастеру:

— Послушай, кацо, как жить дальше будем? Бригада у меня коммунистическая. Слово дали — учиться все пошли. Из грамот альбом делать можно. Живем хорошо. Я, знаешь, дом себе большой построил. Хоть весь Тбилиси в гости приходи — рад буду. Одно плохо — много денег у государства берем. Полтораста, двести рублей... Нехорошо, много денег... Что делать?

Мастер руками замахал:

— Что же тебе, зарплату не платить? Напрасно мудришь, Василий.

— А, зачем такое говоришь? — обиделся Василий.— Я ж совета прошу...

Через неделю собралась вся бригада: брат Василия Гиви, Шалва Гелашвили, Кукури Джишиашвили, Юза Гургенашвили, Джобо Масхарашвили — все шестеро. Говорили долго, часов пять, как за именинным столом. Гиви молодец, хоть и совсем молодой, а правильно сказал:

— Арифметика простая. Сколько зарплаты получаем — столько сэкономить надо. Больше — пожалуйста, только меньше нельзя. На заводе одних комсомольцев 1 400. Если каждый хоть по сотне сэкономит, большая польза получится...

Трудно экономить на тормозном участке: все по чертежам рассчитано. Но если с умом подойти, можно.

Однажды Василию позвонил Гарри Микаберидзе, комсомольский секретарь завода, попросил зайти.

Василий знает Гарри давно, лет четырнадцать. На его глазах из шустрого мальчонки Гарри вырос в известного бригадира на сборке, а потом стал секретарем. Но, видно, и сейчас не прирос к своему креслу. Чуть что забарахлит на сборке — берет отстающую бригаду и выводит ее из прорыва. Интересный человек. И женился интересно. Встретил девушку на лыжных соревнованиях в Бакуриани — оба оказались в сборной Грузии — и полюбил, как в книгах, с первого взгляда. А когда Зина стала его женой, они договорились: сначала она кончает институт, а Гарри помогает ей по дому, потом идет учиться он. Так у них и вышло. Хороший человек. Если бы не он, как знать, довела ли бы бригада Василия свою идею до конца. Гарри же тогда сразу все понял и помог.

— Гамарджоба, Василий.— Гарри поднялся ему навстречу.— Вот сводки прислали. Фонд заработной платы у вас... Подожди, сейчас точно скажу... 9 460 рублей. А сэкономили вы 13 940. Поздравляю, друг! И другие бригады уже за вами пошли. Ну как, хорошо на душе стало?

— Хорошо.— Василий покрутил в цепких руках серую кепчонку, попробовал отщипнуть у нее пуговку.— Хорошо, Гарри, только не совсем. Вот когда без денег можно будет работать, тогда совсем хорошо будет...

Беспокойный он человек!

Белые реснички

Мимо проносятся мандариновые плантации и брезентовые конуски, под которыми греются лимоны. Из решетчатых ворот старинной крепости машут ветви апельсиновых деревьев. Говорят, эта крепость отражала нашествие Тимура. Камни совсем почернели, стены наполовину ушли в землю. Сейчас вокруг крепости колхоз-миллионер. По тугим петлям шоссе мы добираемся в Тхелари, к колхозу имени Горького, тоже миллионеру. Батумский район на редкость красив. Но Тамара почти не смотрит в окно. Во-первых, это ее родные места. И потом, она думает. Думает над своим выступлением. Скоро в школе выпускной бал. И ей, Тамаре Катамадзе, поручили выступить как секретарю комсомольской организации колхоза и заведующей клубом. Тамара стягивает брови к переносице. Сейчас они совсем как крылья летящего стрижа.

Может, начать с того, что их колхоз имени Горького сдал государству в прошлом году 301 тонну сортового чая? И показать, как это еще мало: половину потребляемого чая страна ввозит из-за границы. Каждый год чайные плантации должны расширяться. Расширились они и в этот год — почти на шесть гектаров. Мол, милости просим, дорогие десятиклассники, к нам в бригады. Или лучше начать с лаврового листа? Комсомольцы Аджарии решили завалить Союз лавровым листом. Только бригада Тамары, помимо плана, взялась посадить три гектара благородного лавра... Большие, серьезные цифры топорщатся все сильней. Тамара отбрасывает их. Не то. Десятиклассники — народ грамотный, газеты читают. Что же сказать?

А как было с ней самой два года назад? Тамара тоже кончала школу и подумывала об институте. Большой город, книги, шумные, яркие улицы... Но все решили «белые реснички» — легкое слово «бао-хао», невесть когда и кем привезенное с китайских плантаций. Тамара всматривается в крутые затылки гор. Их будто стриг неумелый парикмахер — ступенька, еще ступенька и так до самого верха. Это и есть чай. Круглые плотненькие кусточки. Миллионы упругих, зазубренных по краям листьев. Уборка чайного листа начинается в мае и идет без перерыва до октября. Убирать чай — большое искусство. И дело тут не только в изумительной быстроте рук, потрясающей новичков, но и в тонком умении различать листы и веточки: каждому листку свое время. «Белые реснички» — первые, самые нежные и мохнатенькие листочки. Из них приготовляют высшие, самые ароматные сорта чая. Если потрогать такой листочек, он нежно щекочет ладонь, как ушко крохотного зверька. Главное — надо успеть вовремя собрать «реснички».

Тамара готовилась к выпускным экзаменам, когда к ней прибежал бригадир молодежной бригады Сефер Перцелидзе:

— Помоги убрать... Народу не хватает... А тут каждый час дорог!

Тамара согласилась. Целыми днями сновала она по ступенькам обширных плантаций, по раскаленной добела земле. Потом выгружала на весы приемщику вороха душистого бао-хао. Както вечером к ней пришла целая «делегация».

— Послушай, Тамара, зачем тебе уезжать? Лучше мы здесь свой город сделаем — клуб, библиотеку, широкие улицы. А горы какие — жизни не хватит наглядеться!..

— К нам в бригаду пойдешь,— сказал Сефер.— Молодежь, девяносто человек — весело будет.

Тамара тогда подумала: отец, брат, сестра — все работают в колхозе. Мама до самой смерти тоже работала... И Тамара осталась.

Многое они сделали за эти два года: и новые плантации насадили и коммунистического звания добились. А сама Тамара собрала рекордный урожай — девять тонн чая с гектара — это в два раза больше, чем в среднем по району. Пригодилось, значит, образование. Теперь она готовится в заочный сельскохозяйственный институт. Все правильно было.

Про себя Тамара перебирает комсомольцев, что работают в колхозе после десяти классов. Много таких, очень много. Только в их бригаде девятнадцать человек. Земле, как и самой сложной машине, нужны образованные хозяева, чтоб все подсчитали, продумали, учли. Тамара обязательно напомнит выпускникам, что говорил об их ровеснице доярке Мери Квачантирадзе Никита Сергеевич Хрущев: «Именно благодаря тому, что эта девушка окончила десять классов, она обогнала многих старых и более опытных доярок. Образование позволило ей быстрее освоить специальность». Да что там говорить: останутся, все останутся в колхозе...

Тамара окончательно успокаивается. Теперь ей хочется поделиться со мной радостным ощущением прозрачного, ясного дня. С трудом подбирая русские слова, она кивает на цветные отроги гор:

— Солнце, всегда солнце над Сакартвело!

Тбилиси — Чиатура.
Батумский район.

ОБЕЩАНИЕ

РАССКАЗ

Миервалдис БИРЗЕ

Прошлым летом, купив «Москвича», я вспомнил, что уже несколько лет не ловил раков. Автомобиль чудесно сокращает расстояния. Переговорил на эту тему со своим сослуживцем Кезберисом. Я знал, что он проводит воскресенья в тяжком труде на берегу Киш-озера, от зари и дотемна махая удилищами. Он предложил съездить на небольшое озерко в его родных краях. Далековато, конечно, от Риги — километров шестьдесят,— но асфальт шоссе хорош, а дело, по словам Кезбериса, было верное.

Итак, субботним вечером в первой половине августа часов около восьми мы съехали с шоссе. Немного потряслись по корням, и вот перед нами открылось озерко. Еловый лес обступил со всех сторон его спокойную, зеркальную гладь. Дорога сбегала по склону к самому краю воды и охватывала изящной петлей все озеро. Мы остановились у ивняка, которым зарос берег маленького заливчика. Тут, под корнями, должна быть пропасть раков. Первым делом с дороги мы закурили, прислонившись спиной к толстому и теплому стволу ели.

Свежее, влажное дыхание озера! Тишина и уединение...

В воде у берега лениво колыхался редкий тростник. Я подумал, что его покачивают раки, разгуливающие по дну озера. Когда солнечный диск скользнул за вершины елей, я погрузил в воду последний сачок. Развели костер, я достал из машины котелок, соль и укроп, без которого варить пойманных раков просто бессмысленно.

Но когда я шел с охапкой сухого валежника к нашему костру, прекрасное чувство уединения неожиданно нарушил резкий сигнал машины, требовавшей уступить дорогу, и мимо прокатился темно-зеленый «Москвич».

Немного погодя на другом конце озера раздались громкие голоса и запылал внушительный костер. Уединения как не бывало, зато конкуренты были налицо.

Проверив сачки, мы обнаружили, что ни один рак не притронулся к аппетитной мясной приманке. Известно, что в иных местах рак идет лишь в самое темное время короткой летней ночи, потому мы не особенно огорчились.

Проверяя сачки, мы ничего в них, кроме водорослей и черных комьев ила, не находили. Но с дальнего конца озера доносились все же довольно радостные голоса, и вроде бы там даже пели. Им явно везло, не то что нам!

При следующей проверке обнаружили, что к одному сачку рак прицепился, но снизу. Даже не поблагодарив нас за мясо, он уютно плюхнулся в теплую воду. Нам оставалось успокоиться на том, что раки все-таки существуют.

Неподалеку хрустнул сучок, и вскоре в освещенный костром круг вступил паренек лет десяти — двенадцати. В руках он держал мешочек, который осторожно положил на землю.

— Добрый вечер! — поздоровался мальчишка, зорко оглядывая наш бивак.

— Добрый вечер! — ответил я.— Ты, видно, всех раков здесь повыловил.

— Нынче что-то не ловятся. Вот у тех,— мальчуган махнул рукой в сторону озера,— у них четыре, а у тех, на том берегу, два.

— Раньше тут бывало по пять-шесть раков на сачок, отчего же теперь так худо? — удивился Кезберис.

— Теперь да-а...— неуверенно протянул парнишка и тут же поставил вопрос ребром: — А вы не хотите купить раков?

Мы с Кезберисом переглянулись. Я вспомнил виденную когда-то карикатуру: вооруженный до зубов «обер-егерь» покупает в магазине битых зайцев.

Мы молча раздумывали, потом Кезберис тихонько забормотал:

— Понимаешь, жена дома. Дочурке обещал живого рака показать...

Все понятно. По полтиннику за штуку, сорок раков перекочевали в нашу торбу.

— А ты, пожалуй, разбогатеешь на них,— заметил я.

— Да, вы платите хорошо. В городе мне только по сорок копеек дают за штуку. До свидания!

Мальчишка исчез в темноте, а я, наверное, даже покраснел: покупать раков на берегу озера да к тому же переплачивать!

И все-таки на душе повеселело. Половину покупки мы бросили в котелок, и когда я разломал клешню первого красного рака и высосал из нее приятный солоноватый сок, все наши неудачи сразу забылись. На лоне природы дымок костра пахнет чудесно.

Тут с дороги к нам завернул еще один гость, рослый, плечистый мужчина. Его сандалии, на мой взгляд, были по меньшей мере сорок пятого размера. В ответ на вопрос относительно нашего улова я рассказал нелестную историю с покупкой раков.

— А-а, то был маленький Бите из нашего колхоза,— улыбнулся незнакомец.— Деньги копит, приемник хочет собрать.

Поняв, что наш гость — колхозник, я завел разговор об урожае и деревенских делах. Он выгреб из костра уголек и, склонившись над ним, прикурил. Затем он рассказал, что его бригаде завтра надо копнить рожь, не то намокнет — по радио обещали дождь.

— Хватает у вас рабочих рук? — поинтересовался я.

— В уборочную лишних никогда не бывает. Я вот только что объехал все дома своих бригадных. Кто в силах хоть колос поднять, завтра выйдет в поле. Только бы не залило!

Мы сидели и курили, предоставив приятному жару горячить наши лица. Вдруг у меня в голове мелькнула мысль, и, когда незнакомец встал, я обратился к нему:

— Вы бригадир? Я так понял из разговора.

— Да.

— Если вы ничего не имеете против, мы завтра тоже могли бы помочь. Правда, Кезберис?

Кезберис подумал и согласился:

— Ну да, я завтра так и так просидел бы весь день у Киш-озера.

Бригадир сперва уставился на нас довольно недоверчиво, но потом, почувствовав, что мы не шутим, заулыбался.

— Два человека, ежели вас малость подучить,— нехудо будет. Тогда поехали, я покажу вам, где переночевать.

Дорога под елями, словно по темно-зеленому туннелю, вывела нас на дальний конец озера. Минут через пятнадцать мы въехали в какой-то двор. Залаяла собака. Из дома вышла женщина и чистым, звонким голосом прикрикнула на пса:

— Тихо, король блошиный!

Бригадир объяснил женщине, которую назвал товарищ Бите, в чем дело, и ушел. Хозяйка отвела нас к навесу со свежим, пушистым сеном и попросила закурить, но когда мы торопливо вытащили сигареты и спички, она забрала у нас и то и другое. Не хотелось начинать знакомство ссорой, и мы завалились на боковую.

Мне показалось, что уже через полчаса кто-то позвал:

— Эй, гости, так давайте или на поле, или в Ригу!

Расчесывая пятерней волосы, мы вылезли на двор. Ах, ты! Будил нас вчерашний постреленок, который теперь запрягал лошадь в конные грабли.

Только мы смыли студеной водой из колодца остатки сна, как из дому горделиво вышла девушка лет двадцати, с соломенной шляпой в руке. Та самая, что вчера отобрала у нас сигареты. Она вернула наше курево и добавила:

— Если не передумали, так пойдемте в поле. Позавтракаем, когда заработаем завтрак.

«Смотри-ка,— подумал я,— насмешница. Не пчелой [1] такую, а осой надо бы назвать: жалит да и по виду больше на осу смахивает — миниатюрная, стройная, с гибкой талией, белокурая, а глаза карие, жалящие».

На поле мы пришли вместе с солнцем. К чему в такую рань? От утренней прохлады меня пробирала дрожь.

Так начался этот день. Было по-всякому. Искусство вязать рожь в снопы — с того дня я называю это «искусством» — мне было чуждым. Поначалу дело у меня не клеилось. Хорошо, что по соседству над снопами вилась эта Бите и нет-нет да прикладывала свою руку к моему вороху. Однако она не забывала одновременно царапнуть острым коготком мое самолюбие квалифицированного слесаря. Ни с того ни с сего она вдруг спросила:

— Ваша фамилия, товарищ рижанин?

«Познакомиться, что ли, хочет?» — подумал я и, пользуясь случаем, тут же распрямил согнутую в три погибели спину.

— Саквартнис.

— Да? Меня зовут Луция Бите. Саквартнис? Ишь, какая смешная фамилия! В этом вы не виноваты, товарищ Саквартнис, а вот в этом — да.— Она с пренебрежением показала на связанные мной снопики.— Разве у вас снопы? Не снопы, а веники! Они же в копне не удержатся! Как вы на них шапку наденете?

Действительно, как надевать эту «шапку», я не знал. И вот так целый день. Беда за бедой. В первую очередь солнце. Ничего, подумал я, часов около двенадцати раздеваясь до плавок, заодно и загорю. Колхозники, по-видимому, не признавали всей благотворности солнечных лучей и работали в рубахах. Но одно дело — загорать на взморье, подставляя солнцу по определенной системе то бока, то спину, то живот, и совсем другое,— когда на ржаном поле жаркое светило все время смотрит только на твой горб. Три ночи после этого я спал на животе.

Для чего парить ноги, недоумевал я, глядя на загорелые голени Луции Бите, зачем она носит эти длинные серые носки? Свои удобные сандалии я надел на босу ногу. Но уже к полудню я вышагивал по полю, как аист, высоко подымая исколотые ноги, и клял про себя косцов, которые оставили такую длинную стерню. Опять же и заусеницы на пальцах. Однако держался. Стыдился Луции Бите.

После полудня со стороны Риги стала надвигаться гора иссиня-черных туч. Колхозники вязали, носили, ставили копны, старались изо всех сил. Луция таскала снопы бегом, а на лице ее была такая озабоченность, что и мне больше не приходило в голову перекурить, чтобы дать отдых спине. Я тоже взял по два снопа под мышки и еще в каждую руку по одному и затрусил рысцой.

Однако вѐтра, вернее, облака, двигавшегося со скоростью ветра, мы не опередили. Рожь на четвертой части большого поля еще оставалась не убранной в копны, когда хлынул мощный ливень, прямо стена воды. В сопровождении Луции мы добрались до сенного навеса у нее во дворе.

— Залило, залило,— сокрушалась Луция, сидя рядом со мной под навесом.

— Не вечно же будет лить,— начал я было ее утешать, но это только привело в ярость нашу Осу.

— Во ржи вы только то и смыслите, что из нее хлеб делают. А вы знаете, что значит вывозить навоз, пахать, сеять? У вас от одного дня спина разламывается, а сколько труда вложили в поле мы? А рожь-то какая! — вздохнула она.— Намокнет — уже не та будет, а по радиосводке, так, пожалуй, ни завтра, ни послезавтра не распогодится... Есть еще другие поля. Начнет лить... Да вы хоть понимаете, о

[1] Бите — пчела (латышск.).

Рисунок А. Горпенко.

чем я тут говорю? — заметила она пренебрежительно.

— Как же, понимаю,— ответил я, не шибко разобравшись во всем этом, но затем вспомнил кстати: — А почему вы тут от техники отстаете?

— Ничуть не отстаем.

— А комбайны? Недавно видел в киножурнале, как убирают в одном из районов Латвии. Давно хлеб был бы убран, без всяких трудностей.— Я пощупал ноющую спину.— А у вас тут, видать, еще долго почесываться будут.

— Это вы чешетесь. Вы комбайн в кино видали, а у нас он одно поле уже скосил.

— Чего же вы его угнали? — не сдавался я.

— Потом покажу,— закончила разговор Луция и ушла собирать ужин.

Поели, и тогда братишка Луции, шпингалет этот, предложил на третье вареных раков, ехидно добавив, что сегодня платить не придется.

К ракам у меня оказалась бутылка тминной, и к концу ужина я стал довольно разговорчив. Чтобы доказать Луции, что я тоже на что-то гожусь, из бокового кармана я вытащил скомканную газету с фотоснимком, на котором молодой, стройный блондин с ужасно серьезным видом стоял у верстака и держал в руке обязательный листок бумаги. Под снимком была подпись: «Комсомолец Ольгерт Саквартнис, лучший слесарь завода, обдумывает возможности рационализации». Это был я, собственной персоной. Тогда Луция ласково посмотрела мне в глаза и спросила, исполню ли я одну ее просьбу. Я легкомысленно пообещал, даже не спросив, в чем она состоит. Луция исчезла.

Когда дождь кончился и пора было ехать, Луция попросила заодно подвезти ее до поселка, там у нее какое-то собрание. Сели в машину, и Луция положила рядом с собой на сиденье сверток.

Поселок находился километрах в трех-четырех от дома Бите. На краю поселка Луция попросила остановиться, и мы вышли из машины.

— Вот мы и приехали. Видите? — Она показала на длинное строение с белыми стенами и крышей из почерневшей щепы. Старинная корчма с большой конюшней. Над дверями вывеска: «Эглайская РТС». Возле дома стояли несколько сельскохозяйственных машин, а подальше, за оградой, сложены штабелем бочки с горючим. Прямо перед нами я увидел здоровенную машину, над которой грибом торчал большой парусиновый зонт.

— Комбайн,— сказал я.— Чего же вы тогда мучаетесь вручную?

— Да, комбайн, только не работает он, товарищ Саквартнис, не работает. Начали косить, в поле валун попался, вот теперь и стоит машина здесь. Поломка небольшая.— Она принялась объяснять мне подробности, но я, будучи слесарем, не мог понять, почему нельзя отремонтировать почти новый комбайн.

— Чинить некому. Как раз неделя выпала такая, что людей на станции не хватило. Уборка, пары, целина. Был один хороший механик, да ногу расшиб на мотоцикле. Это не единственная поломанная машина... Не успеваем...

Привыкнув, что у нас на заводе рабочих рук всегда хватает да еще из ремесленных постоянно приходят молодые ребята, я не сразу сообразил, в чем тут у них дело.

— И вы говорите, чинить некому? — переспросил я недоверчиво.

— Зачем мне вас обманывать! — нахмурившись, ответила Луция.

Все еще моросило.

— А хлеба вы в городе захотите,— добавила она.

Я не понял, для чего она это сказала. Ясно, что хлеба мы захотим.

В эту минуту мне страшно хотелось хоть чем-нибудь помочь Луции, ее колхозу, но я не знал, что тут можно сделать.

Неловкое молчание нарушила Луция:

— Поезжайте, но выполните мою просьбу, как обещали! Там все написано.— Она показала на сверток, оставленный в машине.— Но только откроете это в Риге!

Попрощались. Садясь в машину, я еще раз оглянулся и увидал Луцию. За ней темнел брошенный комбайн и дождливое небо.

«А хлеба вы захотите». Эту фразу я вспомнил в Риге, когда взялся за сверток Луции. Я полагал, что там должен оказаться каравай вкусного деревенского хлеба в награду за наш пот.

Хлеба, однако, не было. Первым из свертка выскользнул исписанный листок, а развернув до конца, я нашел неизвестную мне деталь со светло-серым шрамом свежего излома. Прочитал письмо:

«Уважаемый товарищ Ольгерт с чудной фамилией!

Вы обещали выполнить мою просьбу. У жнейки нашей бригады поломалась эта часть. Колхозный кузнец сейчас помочь не может. Если вы действительно такой слесарь, как написано в газете, то вы эту штуку почините и привезете мне самое позднее в следующую субботу. Мы должны приступать к ячменю. Не забудьте, вы обещали! И вы ведь комсомолец.

Луция Бите».

Неожиданно сухо. Эта пчела все-таки была осой, и только. Что поделать, обещание есть обещание! И если ячмень осыплется или намокнет как раз из-за меня? На следующий день с разрешения начальства я после работы отремонтировал эту железяку.

Погода стояла солнечная. Может, ячмень придется убирать раньше? В колхоз я поехал в среду вечером.

Во второй половине августа и в сентябре свободных вечеров и воскресных дней у меня не было. Началось тогда с поломанной жнейки, а дальше пошли конные грабли, плуги, культиваторы и картофелекопалки. Когда я привозил отремонтированную деталь, Луция ласково смотрела мне в глаза и говорила: «В нашей бригаде тут стряслось то-то и то-то».

— Вы, наверное, со всего колхоза собираете все, что ни поломается,— возражу, бывало, я, но ей хоть бы что, не смущается.

— Ведь хлеб нужен народу, подумайте хоть сколько-нибудь по-государственному! А если без вашей помощи задержится уборка картофеля?

Мне оставалось только подчиниться, вечер поработать, а на следующий садиться в «Москвич» и ехать до конца знакомой кленовой аллеи, где меня встречала девушка, белокурая, как осенний кленовый листок.

Так я и ездил, потому что лучшего ничего придумать не мог. Дело изменилось только в конце сентября, когда после одного комсомольского собрания я стал прощаться со своим товарищем по работе Кезберисом.

— Так что, в деревню? — спросил он.

— Да, в Эглайскую РТС.

— Что, Луция? — Он многозначительно подмигнул.

Я почувствовал, что щеки мои слегка покраснели.

— Я тебе, Кезберис, скажу честно: может, отчасти и Луция, хотя до сих пор она пользуется мной только для ремонта поломанных деталей. В основном тут все-таки поездка за раками. Помнишь, как мы вязали рожь, как мокли хлеба, как переживали за них колхозники, помнишь поломанный комбайн, который всем было некогда чинить?

Перевел с латышского Ю. КАППЕ.

И. РОТИН

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

ЧЕТВЕРТАЯ СИМФОНИЯ

Я услышал ее еще раз в начале войны в Москве. В часы, свободные от работы и дежурств на пункте МПВО, вышел, спустился к Охотному ряду, пересек пустынную площадь, где Мавзолей был спрятан в деревянную коробку, раскрашенную косыми, резкими тенями, и обошел по набережной Кремль. Это был привычный путь еще студенческих прогулок, с их оживленной, идущей невпопад беседой и внезапным приумолканием, когда кто-нибудь восторженно, как в первый раз, указывал на степенно выступающее крыльцо Василия Блаженного или на золотой флажок над башней, на что-нибудь еще — знакомое и ненаглядное.

Вблизи Кремля всегда думается чище и сильнее. И я думал о неразрушимости нашего уклада, воздвигнутого так высоко и смело и сберегшего в своих основах все вековое, лучшее — и Кремль, и Третьяковку...

Возвращаясь, повернул на Моховую. Встретилась концертная афиша. Играли Четвертую симфонию Чайковского! Я бросился к метро.

В концертном зале на Маяковской, как прежде, все светло и чутко и ожидает звука, чтобы отозваться, подхватить, дать разрастись. Зал полон; это кажется — в такое время! — необычным.

Оркестр уже на месте. Вдруг вереницей стали выходить и выстраиваться за оркестром женщины в белых, с ниспадающими складками одеждах и мужчины в строгом черном. На подмостках оказались и государственный оркестр и хор. Значит, я ошибся! В программе не было произведений для хора и оркестра... Другого дня афиша! Я не успел додумать: дирижер вскинул голову, поднял руки — и красным пламенем звуков вспыхнул «Интернационал»...

Все стояли. Мокрым от слез лицо было не у меня одного. То были слезы какого-то светлого восхищения, гордой силы. «Интернационал» своими маршевыми взмахами шел, звал на борьбу.

И когда зазвучала Четвертая симфония, мне показалось, что лишь теперь я понял ее до конца. Бессмертная поэма о России, стук русского сердца, ставший звуком. Ни в одном другом произведении русское не поднято так высоко, так бережно и нежно не опоэтизировано. Здесь наша искристая веселость, быстрота и бойкость народной шутки; здесь наша ненадрывная, вдумчивая грусть и — главное — буревая сила доброго народа, страшная для врагов.

Финал симфонии врывается вихрем звуков. Будто все ветры Родины, сомкнувшись, проносятся над необозримой равниной,— богатырская конница ветров! Слышатся удары грома — удары щита о щит, блещут белые молнии мечей.

Пронеслось, и с птичьего полета открылась ширь, и где-то в глубине ее, над низкой луговой травою, деревцо тихонько зашелестело листьями... «Во поле бере-за стоя-ла...»

Но вот опять вокруг этой простой песенки замутился шум битвы, надвинулся, разросся, и самый страшный взлет ее выбрасывает крик трубы: звучит Возмездие! Лавиной рушатся поверженные звуки, а им наперерез взлетает и снова в высоте поет труба — о счастье борьбы, о радости победы...

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей!

ФРОНТОВОЙ СЛУЧАЙ

«...ничего существенного не произошло».

Из фронтовой сводки.

В осенний день под Чернью мы шли через пустое поле. Спутником моим был художник нашей фронтовой газеты; он балагурил без умолку, громоздя одну поспешно слепленную остроту на другую. Я слушал его рассеянно и больше был занят мыслями о том, где мы разыщем нужную нам воинскую часть. Мне предстояло беседовать там с летчиком, который незадолго до того разбился под Орлом («городом О.», как тогда писали), отлежался, спрятанный нашими людьми, и перешел фронт с ворохом интересных для газеты сведений. Художнику было поручено сделать портрет летчика — обязательно с не обритой еще бородой на молодом лице.

Собственно, я не удержал бы в памяти нашего пути, если б это не предшествовало тому нежданному и особенному, что легло в душу надолго.

Помню, вдруг газетные заботы и мой неугомонный спутник словно пропали, и я остался один на один с полем.

Широко и тихо лежало оно. Пологие спуски и подъемы чередовались, уходили далеко, на гребнях их светлее проступала полоска дороги, терявшаяся в каждом спуске.

Небосвод был сер, но не той набухшей, стылой тяжестью, какая бывает в ноябре и заставляет зябко передергивать плечами; воздушная дымчатая серость ровно облегла его; она как будто дорожила, что была еще чуть-чуть тепла, и не хотела разрываться в тучи.

Вот этой-то голубоватой, светлой серостью и было затхано все вокруг, и все слито в такое целое, немножко грустное и явственно родное, что перед э т и м вдруг замерло сердце, как замирает оно перед полотнами Поленова и Левитана.

По сторонам дороги низко лежали поля; там — жнивье цвета потемневшего золотого купола, тут — скромно расцвеченные полосы неубранной гречихи. Тянуло запахом привянувшей травы и стынущей дороги. Душу мягко обнимало чувство привязанности ко всему этому, так трудно передаваемому словом,— к дороге, к полю, к небу... К родному полю, к родному небу...

...Счастье — вырасти среди природы, предельная простота которой, как азбука, учит понимать потом все сложности прекрасного.

Разве не от этой потаенной, стыдливо-сдержанной прелести среднерусской полосы, как из прозрачного студеного ключа, получили свою силу и русская песня и русская кисть?

Можно поражаться небывалым скалам, диковинным деревьям, постигать редчайшие особенности их, но сердце обольется теплотой лишь при виде родной природы — просто поля, просто неба, просто полевой дороги...

МЫ ПОБЕДИЛИ

Жизнь, огромная, как мир, называется кратко:

Ленин.

Там, где люди повернули из долгой ночи к солнцу, врезано в камень:

Октябрь.

Поскрипывание калитки, громовая пена сталинградской плотины, сладкий запах пионерского галстука из-под утюга, танк на мраморном пьедестале у ворот завода, где ладят сеялки, на всю страну семейные признания в радиобеседе зимовщиков с родными, самотканое хлопковое поле у глиняных стен Хивы, верхушки Кремлевских башен, похожие на острия космических кораблей,— все это и бесконечно иное и многое слито в одном слове:

Родина.

Можно пересчитать ручейки — люльки великих рек, дальние водные связи их и прямые притоки; неисчислимы источники слова. Оно, своим устьем входя в сознание современного человека, всегда остается родниковым.

В слово, как в сундук, народ запер всю прожитую им жизнь. Кажется, накопленное распахнуто для всех, но только потянешься за узорчатым словом, тут же выяснится: ключи закинуты на дно морское...

Поиски слова! У самой лиричнейшей лирики в кровь сбиты ноги на этих дорогах. Ни одна каменоломня того не видела, что видит белый бумажный лист. Как в самодеятельном тигле, надо сплавить в словах отчужденно звенящие смыслы, которые в других соединениях слов плавились и затвердевали веками. Потому и чувствуешь себя робким подмастерьем всякий раз, когда жизнь раскрывает вдруг, как целые эпохи спрессовываются в два слова.

Вечером 9 мая 1945 года мы стояли на углу Охотного ряда, у подъезда гостиницы. Сплошной людской поток распирал улицу Горького и медленно стекал на Манежную площадь, которая, казалось, вместила уже пол-Москвы. И все, о чем кричали, пели, шептали люди, что они выговаривали, смеясь или плача, все, чего они ждали четыре года, что знали в леденящие дни отступления, над обугленной страной, на первых клочках заднепровской земли,— все вылилось в два слова, зажженные на фронтоне Манежа:

Мы победили!

Было много веселых огней в тот вечер. Клубились дымки салюта в световых трубах — впервые праздник украсили прожекторные лучи, хороводно кружась или слагая недвижный шатер над головою. Но и в сочетании вечерней сини и бегущего света, в непривычной россыпи ярких окон вырезывались, придвигались к глазам, пламенели два слова, обжигая гордостью сердце:

Мы победили!

Сколько ни было прочитано в тот день передовиц, лозунгов, откликов, телеграмм, ничто не сказало так много, как эта надпись, выложенная из десяти букв.

Нам со ступенек гостиницы Манеж и вся его площадь были видны особенно хорошо. Четверо бывших студентов Литературного института, чудом сойдясь на московской улице в День Победы, стояли, обняв друг друга за плечи, и не могли надышаться народной радостью. Конечное значение того, что дано было пережить стране, каждому из ее сынов и дочерей, сполна охватывалось наикратчайшим, наипростейшим: «Мы победили!»,— и оттого нельзя было не думать, что и смысл, строй литературной службы народу раскрываются нам сейчас в этой надписи. Мы получали живой, неизгладимый урок работы слова, где по правилу классиков, усвоенному прежде лишь ученически, сразу и тесно и просторно. Стоило жить, стоило так гореть, чтобы слова плавились в сердце и отливались хотя бы в одно, только твое и потому нужное всем слово, только нужное всем — и потому твое.

Народность — вот она, в сжатой строке, которой выразили себя советские люди в свой рубежный день. Обновленное величие русского языка — вот оно:

Мы победили.

Два слова, полномочно выставленные от всех других слов, как от армии — два часовых у дверей Мавзолея.

СЕРДЦЕ СТУЧИТ В ЗАВТРАШНИЙ ДЕНЬ

— Эй, товарищ в шляпе, там тебе дорога, что ль?!

Эти слова относились ко мне.

Они меня очень обрадовали.

Сентябрьским утром я шел на фабрику по широкому проезду, где асфальтовые полосы чередовались с травяными, обнесенными низенькой оградой. Надо было успеть к началу смены. Навстречу людям, с которыми я двигался к фабричной проходной, лился дру-

гой поток — к соседнему заводу. От этого переплетного движения толпа кипела; казалось, что крутишься на месте. Я шагнул через ограду на траву, поникшую, спаленную еще июлем... И был настигнут резким окликом.

Кричал один из встречных парней. Не к его заводу, значит, прилегал этот сквер. И торопился на работу он, конечно, не менее других. Но заступился за свою чужую траву. За полоску земли, где желтые, жесткие пучки торчат, но где новая весна выстелит новую зелень.

Приятно быть так обруганным!

Вспомнилось, как на выбитом и пыльном пресненском «гулянье», куда в былые времена сходились прохоровские ткачихи и грачевские слесари и где теперь вымахал такой тенистый сквер, мы по осени сажали робкие деревца. Сажали в тридцать третьем году, когда я начал работать на «Трехгорке», сажали в тридцать четвертом, в тридцать пятом... Выламывали их тоже ежегодно. Районные воскресники по древонасаждению были массовыми. Но, к сожалению, массовой была и фигура паренька с окраины, которому ничего не стоило выдернуть из свежей лунки тоненькое дерево или полоснуть его ножом.

А теперь мне кричат:

— Там тебе дорога, что ль?!

Он знает дороги: в цех, где не гайки нарезают, как в тридцать пятом, а собирают гидрокопировальные автоматы; в художественную студию Дворца культуры; со студийцами — к кремлевским гребенчатым стенам на этюды; в концертный зал — на симфонии Чайковского и Бетховена. Знает маршруты комсомольских патрулей по улицам и паркам района. Его родную Пресню давно не называют окраиной, а на карте Большой Москвы она еще больше придвинулась к центру.

Не условными обозначениями на карте закрепляется чувство Родины — живым деревом, под которым играл в песочнице, теплой зыбью солнца и тени от листьев. Живой памятью деда о баррикадах пятого года, вот здесь, на Горбатом Мосту, рассказами отца и старшего брата о том, как под налетами фашистской авиации тушили «зажигалки», вот тут, на заводском дворе.

...Я остаюсь на фабрике до конца смены, жду собрания бригады коммунистического труда. Мне уже известна повестка дня, нет, не повестка: повесть об одной еще совсем молодой жизни.

Девушка не знала отца. Ей было шесть месяцев, когда он погиб, — осенью сорок первого, под Москвой, в дивизии народного ополчения. Мать была уборщицей. У дочери не ладились дела на работе: прошла по всем цехам швейной фабрики, не задерживаясь, — «шальную», ее старались поскорее сбыть с рук. Девушка ожесточилась.

— Знаете, что я от нее услышала?! — рассказывает на собрании бригадир, ее сверстница. — О жизни она судит как? «С людьми, — говорит, — что ни хамее, то лучше...» Так что предупреждаю: одни колючки...

Девушки, о которой идет речь, почти никто здесь не знает. Бригадир живет с ней в одном доме. Предлагает уговорить директора, чтобы взяли на фабрику, и принять в свой коллектив. А там — или мы бригада коммунистического труда, или зря замахнулись на такое звание. Возьмем, девчата?

Они согласны. Они готовы заступиться. За своего чужого человека. За молодую душу, раньше времени пересохшую.

...Бывают великие победы, которые труднее всего измерить: любой масштаб — 1 : 100 или 1 : 100 000 000 — не годен, когда надо сказать, насколько новый строй чувств превосходит старый. Ведь не числом квадратных сантиметров кожи определяется поступок юноши, спасающего человека от смертельного ожога, и не количеством калорий — то тепло дружбы и единства, которое выручало четырех советских солдат в океане над общим котелком с последней картофелиной.

Народ, первый в революции, в битвах с фашизмом, в труде и творчестве, первым послал человека в космос.

Мы, сегодняшние, стучимся в будущее не только многотонными космическими ракетами, но и сердцем — самым большим и неумолчным колоколом радостей человеческих.

КАЛЕНДАРЬ ГЕРОИЗМА

ОДНАЖДЫ В НЕБЕ

(Рассказ летчика Владимира Казакова)

Это был первый прыжок курсанта Озерова. С усилием протиснувшись в узкое горло кабины, он вылез на крыло. Поток воздуха ударил в лицо, капля моторного масла расползлась по щеке. Легкая вибрация машины вызывала в груди щемящее чувство. Инструктор, внимательно посмотрев на учлета, подал команду:

— Пошел!

Озеров дернул вытяжное кольцо парашюта и оттолкнулся от кромки крыла. На миг тело стало невесомым. Струя воздуха подхватила, перевернула его. Мощный рывок... и Озеров потерял сознание.

Очнувшись, он посмотрел вверх. Купол основного парашюта зацепился за хвостовое оперение, натянутые стропы тащили его за самолетом. Курсант схватился за запасной парашют и почувствовал, как все тело покрывается холодным пóтом: ранец был пуст, мягкие полотнища запутались и болтались мешком.

Самолет кругами набирал высоту.

Инструктор с ужасом следил за движениями учлета, повисшего на стабилизаторе. Ни неистовые рывки, ни нож, ни зубы не помогали курсанту распутать злополучный парашют. Инструктор накренил самолет и ввел его в вираж, но шелк крепко держался на стабилизаторе и не соскользнул. Оставалось одно — садиться на воду. Инструктор глянул вниз, на причудливую петлю реки, на зеленое поле аэродрома и увидел стартовые знаки: «Посадку запрещаю!»

Руководитель полетов сразу понял, какая

трагедия произошла в воздухе: курсант раскрыл парашют на крыле. Самолет не успел уйти от взметнувшегося купола и зацепил его. В этом случае посадка на воду не всегда спасала человеку жизнь. Подумав, он выложил из сигнальных полотнищ крест — знак, запрещающий посадку.

Заработали аппараты связи. Оперативный дежурный соседней воинской части принял срочную телефонограмму. А через несколько минут операторы радиолокационных станций приникли к экранам, разыскивая в воздухе вертолет. Вскоре один из локаторов «засек цель». Машина принадлежала гражданскому воздушному флоту, ее радиостанция работала на неизвестной волне. На перехват вышли два реактивных истребителя.

...Вертолет Грановитова перелетал на новую оперативную точку. Шли точно по маршруту и поэтому очень удивились появлению истребителей. Один за другим они прошли над вертолетом и покачали крыльями.

— Балуются, наверное. Лихачи! — Но на душе стало неспокойно, и, передав управление второму пилоту, Грановитов полез за кодовой таблицей.

Вновь зазвенели турбины. Проскочивший истребитель упорно переваливал машину с крыла на крыло.

— Дает знак: «Следуйте за мной», — объяснил Грановитов. — Ты уверен, — обратился он к пилоту, — что мы точно идем по маршруту?

— Без отклонений, — твердо ответил пилот.

— Разворачивайся за ними, на земле выясним, в чем дело.

Следуя по линии, указанной патрулем, летчики увидели военный аэродром. Оттуда взвился фейерверк зеленых ракет: «Немедленная посадка!»

Вертолет скользнул вниз и сел около стартового знака.

Грановитов с недовольным видом направился к командному пункту. Он рывком открыл легкую фанерную дверь и замялся — навстречу поднялся высокий, плечистый военный в генеральских погонах.

— Здравствуйте! — протянул руку генерал. — Для знакомства нет времени, но должен вас поблагодарить за быстрое выполнение приказа патруля. Обстановка такая...

С первых же слов генерала Грановитов понял серьезность положения и, слушая, смотрел в небо. Там, в километре от аэродрома, над рекой, бороздил воздух маленький «ПО-2» с человеком на стабилизаторе.

— У вас лебедка есть? — спросил генерал.

— Есть.

— А трос?

— Как же без троса... Только запас прочности маловат.

— Сколько?

— Сто килограммов.

— Вполне достаточно для одного человека, — успокоил генерал. — Действуйте! Запас горючего у «ПО-2» минут на тридцать. Желаю удачи!

...Инструктор впился глазами в стрелку бензочасов. Она рывками двигалась к нулю. Скоро заглохнет двигатель, и он вынужден будет пойти на посадку. Курсант висел без сознания: видимо, сразил нервный шок.

Вдруг в рокот мотора ворвался посторонний гул. Тяжелый вертолет, посвистывая лопастями винта, повис за самолетом. Летчики моментально поняли друг друга и пилотировали машины с ювелирной точностью. Замысел таил в себе смертельную опасность. Малейший просчет — столкновение — катастрофа. С земли казалось, что машины сцепились и сейчас их обломки полетят вниз.

Вертолет уравнял скорость, зашел чуть повыше самолета. Из двери грузовой кабины полетела «кошка».

— Командир, немного пониже, троса не хватает! — закричал механик.

Встречная струя воздуха била в лицо, а он, высунувшись по пояс за борт, раскачивал непослушный трос, стараясь зацепить «кошкой» за стропы парашюта. Рывок... мимо. Еще рывок, и изогнутая лапа «кошки» захватила пучок строп. Механик вскочил. Его ладонь крепко обхватила ручку лебедки, трос ровными рядами ложился на барабан. «Только бы парень пришел в сознание, — билась мысль. — Стоп! Заел барабан? Нет...»

Случилось непредвиденное: стропы и трос натянулись, как струна, а до курсанта не достать!

— Командир, пониже. Еще чуть-чуть... Еще один сантиметр!

— Не могу! — закричал Грановитов. — Работаем на пределе. Раз болтнет — и пиши пропало!

Нужно было что-то предпринимать — решительно и быстро. Несколько секунд механик думал, крепко сжав губы, устремив взгляд в далекие облака. Потом провел ладонью по лицу, сгоняя оцепенение, и, решившись, позвал второго пилота. Тот спустился в грузовую кабину.

— Что хочешь делать, Федя?

Механик не отвечал, плавно раскручивая барабан лебедки. Трос ослаб, но Федор продолжал раскручивать, пока «кошка» не соскользнула с парашютных строп.

— Ты спустишь меня, — спокойно сказал Федор оторопевшему пилоту. — Я его привяжу к своему поясу и обрежу стропы. Потом поднимешь нас... Ну что уставился, как на сумасшедшего?

— Трос... — выдавил пилот. — Трос рассчитан всего лишь на сто килограммов! Да и старый...

Федор думал об этом. «Трос должен выдержать! Должен. Если нет — курсант погибнет...»

— Спускай! — тоном приказа сказал он и пристегнул карабин к брезентовому поясу. Пилот не двигался.

Федор поставил тормозной рычаг лебедки на медленное раскручивание и шагнул к двери.

— Командир, — сделал последнюю попытку пилот, — запрети ему.

Грановитов слышал все, так как разговоры велись по внутренней связи, но молчал. Разрешить не имел права, запретить не поворачивался язык. Он видел, как из кабины самолета летчик махал рукой и показывал пятерню: «Горючего осталось на пять минут!»

Федор требовательно посмотрел на пилота. Пилот схватился за ручку барабана. Спуск начался.

Грановитов, немного увеличив скорость, подводил к самолету Федора, висевшего на тросе с вытянутыми вперед руками. Вот руки коснулись шелка. Федор подбирался ближе и ближе к стропам. Комбинезон учлета был подпоясан широким армейским ремнем — Федор пристегнул к нему карабинчик аварийного пояса. «Неужели под двойной тяжестью лопнет трос?» Противная слабость разлилась по телу. Он поднял лицо вверх, и ему показалось, что стальные нити раскручиваются, расползаются. Он закрыл глаза, но лишь на секунду. В следующее мгновение левая рука крепко обхватила юношу, в правой блеснул нож и ударил по стропам. Вовремя! У самолета кончилось горючее, и он пошел вниз.

Пилота, нажавшего на ручку лебедки, остановил резкий возглас Грановитова:

— Не поднимать! Я их опущу прямо на землю.

Вертолет плавно опустил свой груз около санитарной машины. Курсанта положили на носилки, и «санитарка», завывая сиреной, унеслась в город.

Федор смотрел вслед машине, расстегивая непослушный ворот гимнастерки. Потом он улыбнулся и провел ладонью по мокрому лбу.

— Дайте кто-нибудь закурить... — попросил он летчиков и техников, молча стоявших вокруг. Со всех сторон к нему потянулись руки с пачками папирос, зажигалками. Федор нагнулся к огоньку. На его лоб упала влажная прядь совершенно седых волос...

НАВСТРЕЧУ

XXII СЪЕЗДУ КПСС

ЭСТАФЕТА БОЕВЫХ ДЕЛ

ЦЕМЕНТ — ХЛЕБ СТРОИТЕЛЬСТВА

На этом заводе нет директора, нет административного аппарата, бухгалтерии, отдела кадров. Больше того — на нем нет... рабочих! Однако он действует! Он ежедневно выдает стране сотни тонн продукции. Этот завод называется «Иркутский комсомольский цементный завод семилетки».

Правда, говоря, что у этого предприятия нет администрации, мы допустили некоторую неточность. Администрация есть. Только она не совсем обычная. Управляют заводом две комсомольские организации: треста «Иркутскалюминстрой» и строительства Братской ГЭС. Это они начали массовый поход комсомольцев и молодежи за создание «ИКЦЗС». Необычайное «промышленное предприятие» только в нынешнем году «выпустит» 50 тысяч тонн цемента. На комсомольском цемзаводе, как и на любом другом, есть своя технология. Правда, она здесь несколько своеобразна. Ее принципы: непримиримость к расточительству, ликвидация потерь, бережное отношение к цементу.

Ребята из треста заметили, как неэкономична ручная разгрузка. И в самом деле, цемент сыплется на землю, разгрузочно-погрузочные работы задерживаются. Комсомольцы обратились за помощью к специалистам и совместно с ними подсчитали: при ручной разгрузке потери цемента составляют 500—600 тонн ежегодно! Значит, если механизировать этот процесс...

Было решено ввести пневморазгрузку. Это, во-первых, полностью ликвидирует потери цемента, а во-вторых, удешевит операции на 170 тысяч рублей (новыми деньгами!). И сейчас почти на всех предприятиях внедрен метод пневморазгрузки.

Но на этом молодые энтузиасты не остановились. Реконструкция цементного склада на бетонном заводе дала 500 тонн ежегодной экономии, а внедрение жестких бетонных смесей принесло за пять месяцев еще 80 тонн.

Не отстают от комсомольцев «Иркутскалюминстроя» молодые строители Братской ГЭС. За счет внедрения прогрессивных методов бетонных работ, широкого применения малоцементных бетонов комсомольцы обязались дать в фонд «Иркутского комсомольского цементного завода семилетки» 25 тысяч тонн цемента. Это будет трудовым подарком молодежи XXII съезду партии.

Если в Москве еще стоят ве-

ВЕК ПЕРИКЛА

РАССКАЗ

Иоан ГРИГОРЕСКУ

На бульваре, где росли апельсиновые деревья, меня оглушили крики:

— Симера-а-а [1]!.. Симера-а-а!

— Не попытаете ли счастья, кириос [2]?

— Билет, лотерейный билет! Кому еще лотерейный билет?

— Не проходите равнодушно мимо вашего счастья! Кириос, не пренебрегайте своим счастьем! Сегодня вы можете стать счастливым человеком!

Меня окружила целая ватага детей, одетых слишком легко для резкого декабрьского ветра, с посиневшими, голодными лицами. Один из них особенно настойчиво уверял меня, что я упускаю самый удобный случай испытать счастье. То был мальчуган лет восьми-девяти, худенький, с длинной, тонкой шеей, на которой болталась то влево, то вправо костлявая голова с острыми скулами и большими карими глазами, полными глубокой стариковской грусти. Все дети несли, как пики, длинные еловые шесты, к которым были прикреплены кнопками разноцветные лотерейные билеты, похожие на маленькие афиши. Издали мне показалось, что на шесты густо нанизаны румяные бублики, усеянные маковыми и кунжутными семечками. Но когда я увидел желто-землистые лица детей, которым, видимо, давно не приходилось поесть досыта, я понял, что это были не бублики.

— Кириос!.. Только один билет, кириос! У нас говорят, что рука ребенка приносит счастье... Хотите, я сам вытяну для вас билет? Он стоит всего сто драхм...

— Сколько же ты получаешь за один проданный билет?

— Пять драхм, кириос... Уверяю вас, если вы купите у меня билет, вам повезет! На прошлой неделе один господин купил у меня билет и выиграл пять тысяч драхм, ни одной лептой [3] меньше!.. Клянусь вам, если не верите... На второй день он пришел сюда и дал мне две драхмы, чтобы я купил себе пирожок со шпинатом. Вы любите пирожки со шпинатом? Если вы купите у меня билет, то сможете выиграть две тысячи пятьсот пирожков со шпинатом... А я ни одного не попрошу у вас... Купите билет, кириос, не проходите равнодушно мимо вашего счастья!

— Симера! Симера-а-а! Сегодня розыгрыш, господа! Испытайте же свое счастье!

— Как тебя зовут? — спросил я его.

— Никос... Берете, не так ли? Вот увидите, вам достанется самый крупный выигрыш... Я сам вытяну для вас билет, и завтра вы найдете меня на этом же месте, на углу, около кафе, где торгуют плачинтами [4]...

— Послушай, съедим-ка сейчас по пирожку, хочешь? С сыром, я не люблю шпината...

— О сударь, неужели вы не любите шпината? Мне кажется, на свете нет ничего лучше пирожков со шпинатом... Нет, благодарю вас, я не могу... Ведь я продал всего три билета, а сегодня вечером розыгрыш! Я не могу уйти отсюда, поверьте... Спасибо... Может быть, вы все-таки возьмете один билет?..

Разумеется, я купил у него лотерейный билет и, конечно, ничего не выиграл. На следующий день я прошел мимо кафе, по бульвару, где росли апельсиновые деревья, но не нашел Никоса. Я не собирался ни в чем упрекать его. Я заранее знал, что он снова посоветует мне попытать счастья. И, быть может, я опять купил бы у него лотерейный билет, но не для того, чтобы выиграть две тысячи пятьсот пирожков со шпинатом, а чтобы еще раз поговорить с ним. Но я не встретил Никоса ни на второй день, ни на третий.

Однажды, дней через десять после первой нашей встречи, я поднимался по узким улочкам квартала Плака, расположенного у подножия Акрополя. Был яркий, солнечный день. В долине между холмами Ликавита и Пникса простирались залитые солнцем Афины. Наверху, над обнаженными скалами, под бастионами Акрополя, блестели белые колонны храма Парфенона, сооруженного две тысячи пятьсот лет назад и приютившего на своем мраморном алтаре статую богини Афины, всю из золота и слоновой кости. До самых скалистых стен карабкались маленькие покосившиеся глинобитные домики, огороженные выбеленными кирпичными заборами, увитые виноградными лозами, ветками мандаринового, фигового или лимонового дерева, с которого свешивались желтые, как шафран, плоды. Небо было прозрачным, как хрусталь, и весь мир далеко, до края горизонта, где горные хребты встречались с голубыми сводами, переливался радужными красками. С моря дул легкий ветерок, но старый квартал, где до поздней ночи звучали печальные протяжные песни, казался усталым, измученным, несмотря на белый нарядный передник выбеленных стен. Я шел не спеша по направлению к Акрополю, намереваясь пройти по скалам Ареопага, откуда были видны как на ладони древние развалины и современные кварталы, с высокими многоэтажными домами и сверкающими рекламами.

На краю улочки, настолько искривленной и извилистой, что она казалась лабиринтом, из низкого домика, крытого железом и булыжниками, доносился нестройный хор детских голосов, старательно выговаривавших:

— Хэ-лло... Мис-тер! Хэ-лло... Мис-тер! Хэлло, мистер!

Я улыбнулся, подумав, что эти дети, несмотря на контраст окружающей картины, старались усвоить английский язык.

Но не успел я пройти и двадцати шагов, как пятеро ребятишек стремительно выбежали из домика и, окружив меня, наперебой закричали:

— Хэлло, мистер! Акрополис?

Самый рослый из них ухватился за мой рукав:

— Акрополис, мистер?.. Хэлло... Акрополис? Парфенон? Таверна, мистер? Таверна? Одна драхма, мистер, только одна драхма... Я покажу вам Акрополис, Парфенон или провожу вас в таверну только за одну драхму!

— Никос! — воскликнул я, узнав своего маленького приятеля с бульвара, где росли апельсиновые деревья.— Ты изучаешь английский язык?

— Да, сударь, отец говорит, что тут проходят иностранные туристы и что мы должны быть любезны с ними. Проводить вас к Акрополю?

1 Сегодня (греч.).
2 Господин.
3 Мелкая греческая монета.
4 Слоеный пирог.

сенние дни, то на юг Казахстана уже пришло благодатное лето. Пришло оно и к строителям Чимкентского цементного завода. А ведь известно, летние месяцы — лучшее время для строителей. Теперь заливке монолитных бетонных конструкций, сборке железобетона и другим многочисленным операциям на участках не будут мешать морозы, снегопады, дожди. Нынешнее лето чимкентцы обязались отметить особо высокими достижениями, посвятив их предстоящему XXII съезду партии.

Как увеличить выпуск цемента, этого «хлеба строительства»? Еще в минувшем году комсомольцы решили: каждая линия завода, введенная в эксплуатацию досрочно, и даст этот «дополнительный» цемент. Они объявили ударным объектом строительные работы по комплексу 4-й технологической линии. Повсюду выискивались резервы производства, вносились рационализаторские предложения. Комсомольско-молодежные бригады обязались выполнять сменные задания не менее чем на 120 процентов. И они добились своего — 4-я технологическая линия была сдана в эксплуатацию на шесть месяцев раньше срока! Новая линия даст стране за год 338 тысяч тонн высокомарочного цемента.

После того, как четвертая была пущена, в комсомольском штабе стройки собрались ребята и девушки, работающие на строительстве пятой и шестой линий завода. Они выяснили свои возможности, подсчитали резервы и решили: можно сдать пятую и шестую линии на три месяца раньше срока. И уже сейчас по тому, как идут работы, ясно — слово свое комсомольцы Чимкентской стройки сдержат!

Ищем, изучаем, находим... Это девиз ребят и девушек цементного новороссийского завода «Октябрь».

«Находки» сверхплановой продукции иной раз оказывались в местах, мимо которых обычно проходили ежедневно, не обращая внимания. Оказалось, например, что только за счет ритмичной работы электрофильтров цеха сухого помола можно получить около 400 тонн высококачественного цемента.

Есть на заводе тезки — Виктор Данильченко и Виктор Гуменной. Обоих их можно смело назвать искателями.

Виктор Данильченко долго изучал работу электрофильтров печного отделения. Как рациональнее забирать отходящие газы? А что, если установить для этой цели инжекторную установку? Так и сделали. Это новшество позволило намного усовершенствовать контроль за работой электрофильтров.

Нелегок был труд машинистов цементных мельниц. Но вот Виктор Гуменной разработал новую конструкцию механизма регулирования питателей мельниц сухого помола. После усовершенствования механизма намного облегчился труд машинистов.

Сейчас, готовясь достойно встретить XXII съезд КПСС, молодежь берет повышенные обязательства: коллектив комсомольско-молодежной смены сырьевого отделения решил дать сверх задания 2 300 тонн шлама.

...На ударные стройки страны идет сверхплановый комсомольский цемент.

— А лотерейные билеты? Где же ты оставил свой шест со счастьем?

— Сегодня все равно никто не купит ни одного билета. Их покупают только накануне и в день розыгрыша... Я знаю, вы ничего не выиграли, иначе вы бы разыскали меня возле кафе, где торгуют плачинтами...

— Я искал тебя...

— Правда? Неужели выиграли? — недоверчиво осведомился он, получая две драхмы — стоимость пирожка со шпинатом.

— Эти кто такие? — спросил я, указывая на детей.

— Тот маленький, в красной рубашке, и этот, в желтой фуфайке,— мои братья... Остальные здешние ребята, из Плаки.

— Кто же учит вас зазывать туристов?

— Отец... Он каменщик, но ему один клиент говорил... Хотите, я провожу вас в пекарню, где торгуют плачинтами? Сегодня я угощаю... Или, может быть, принести вам еще один лотерейный билет? У меня дома приготовлены билеты на вечер, когда публика выходит из кинематографа.

Наверху, на Акрополе, я спросил у Никоса:

— Послушай, Никос, ты знаешь, кто построил Парфенон?

— Как же! Я учил в школе, не думайте! Его построил Перикл во времена золотого века... Тогда, наверное, пирожки со шпинатом давались бесплатно и сколько угодно, ведь недаром же этот век называли золотым... А вы знали об этом?

...И все-таки мне еще раз довелось встретить Никоса. Был конец декабря, на бульваре, где росли апельсиновые деревья, было очень людно, все торопились за праздничными покупками. Дул резкий, холодный ветер, заставлявший прохожих поднимать воротники и придерживать руками шляпы. Дети опять несли шесты, на которых развевались лотерейные билеты, и с громкими возгласами приставали к прохожим, уговаривая их попытать счастья в новогоднем розыгрыше. Никоса среди них не было. Я обнаружил его в каком-то подъезде, он стоял, прижавшись к стене, и вытирал кулачками катившиеся градом слезы. Неподалеку его братья держали шест с лотерейными билетами и, стараясь подражать Никосу, приманивали клиентов:

— Хрониа пола, кириос, хрониа пола [1]! Только сегодня вы сможете попытать счастья в большом новогоднем розыгрыше, только сегодня! — завопил один из них, заметив, что я приближаюсь к подъезду

— Что с тобой, Никос? — спросил я.

— Убирайтесь к дьяволу! — мрачно ответил он.

— Тебя побил кто-нибудь?

— Пусть только посмеют, я им кости переломаю!..

— Почему же ты плачешь?

— Ветер, кириос! Оставьте меня, такой уж я неудачник! Он сорвал с моего шеста два билета — мой двухнедельный заработок. Может быть, это были как раз самые счастливые... Их мог купить какой-нибудь господин, и тогда мне тоже досталось бы что-нибудь... Как мы теперь вернемся домой?

— Как же улетели твои билеты?

— Что значит, как улетели? Разве вы не видите, что за ветер? Прямо раздевает! Я плохо прикрепил кнопки, и билеты пропали. Один из них, я видел, упал посреди улицы и пристал к колесу проезжавшего «форда»... А другой взлетел очень высоко, кто знает, куда он девался... Целых две недели, чертовски же хорошо начинается у меня год!

— Пойдем со мной.

— Куда?

— Погреемся немного... Дай-ка мне один билет. И, если хочешь, разделим убыток пополам. Идет?

Он изумленно взглянул на меня, но ничего не ответил. На его осунувшемся лице застыло печальное и суровое выражение. Когда мы сидели в кафе, переполненном посетителями, на губах у Никоса скользнула улыбка, первая улыбка за все время нашего знакомства, и лицо его вдруг преобразилось, стало сразу детским.

— Ей-богу, кириос, если бы я жил в веке Перикла, то целый день ел бы только пирожки со шпинатом!

Перевела с румынского
Татьяна ХАИС.

Рисунки Р. Вольского.

[1] С Новым годом, господин, с Новым годом!

Михаил ЛЬВОВ

ВРЕМЯ МОЕ
ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Герои наших дней

Герои наших дней!
Вы нам других родней!
Герои наших дней!
Вы ближе и видней:
Живем в одном краю,
живем в стране одной,
Идем в одном строю,
поем одну страну,
поем стране родной.

Живем в стране живой,
пылающей, победной,
В державе мировой,
героями не бедной!
Отчизна родила,
дала им имена.

Прекрасны их дела,
прекрасны имена,
Которые дала
прекрасная страна!
Ваятель и воитель,
у жизни ты не пленник —
Ты сам ее строитель,
товарищ современник.
Нет радостей открытей,
Нет темы современней:
Своих героев пой,
своих героев строй,
О современник мой,
мыслитель и герой!

В бессмертие идут
не троны и цари,
Идет в бессмертье Труд:
ткачи и косари,
Свинарки, плугари,
певцы и свинари,
Герои целины,
разведчики Луны,
Космической страны
любимые сыны!
Они, бессмертье, тут —
им двери отвори!
Свое бессмертье, Труд,
своей рукой твори!

Воспой своей строкой,
своею властью славь,
Уверенной рукой
колонны славы ставь!
Да будут нерушимы
колонны наших слав,
Как горные вершины,
как нашей жизни сплав.

* * *

Отказываюсь от плохого!
От мыслей и от чувств плохих.
Весной мне восемнадцать снова.
Еще ошибок никаких.
И
не несет оцепененья
Мне
невиновное вино.
Я отменяю опьяненье,
Когда искусственно оно.
И только воздухом медовым,
Разглядом глаз твоих в упор,
Твоей любовью,
счастьем новым
Мне опьяняться с этих пор.

Приказ

К горлу
ком
от этих слов подкатывает.
Этот ком
годам
не растопить:
«Пролетариат
приказывает
Смерти отступить!»

Не было в веках еще такого!
В дни
ухода
Ильича от нас
С верой в напечатанное слово
Прочитал я в «Правде» тот приказ.
Представлял:
в рубахе ярко-красной
Всемогущий Пролетариат
Властен
смерти отдавать приказы!
Властен смерть отбрасывать назад.
На дома
приказы
он прикалывает:
— Смерти
Ильича не уступать!
И
категорически приказывает
В эту область смерти не вступать.

Он несет Вождя на площадь Красную —
Ленина в земле не хоронить.
Мавзолею выситься приказывает,
Ставит часовых — века хранить.

Воинам
торжественным и строгим
Только Жизнь
впускать к нему велит.

Мы идем на площадь, строй за строем,
Где алеет
строгий мрамор плит.

И такое чувство в сердце,
словно
Он — живой!
И — как желает Класс —
Выполняет смерть беспрекословно
На века действительный приказ.

* * *

Нет, не права холодная душа,
Собой живя, одной собой дыша,
На остальное стужу надыша,
Поблескивая лезвием ножа.
За той душой богатства — ни гроша.
Ни люди, ни зверье ее не примут —
Не даст житья ее холодный климат.

Ее лучи бесплодны и нищи,
Причины очерственья не ищи —
«Условия... устои... воспитанье»,—
Ей нету никакого оправданья.
За ней
нет правды, даже небольшой,
И нету права
числиться душой.
Ее
и с камнем сравнивать не должно:
Из камня все же
дом построить можно.

* * *

Если трудно — имейте в виду,
Выносите на воздух беду,
Чтоб на людях, чтоб на виду,
Рассмотреть коллективно беду...

В одиночестве прячешь беду —
Это значит, живешь как в бреду,
Это значит, страдаешь в аду,
И, бывает, беда на беду
Превратит
.
и металл в руду...

Выносите на воздух беду.
Там — играют детишки в саду.
Там — врагов привлекают к суду.
Там — в металл превращают руду.
Там — потянутся руки к труду.
Там — помогут развеять беду.

* * *

Я не люблю озлобленных людей.
Они от каждой мелочи лютей.
Такому
в жизни дашь совет хороший —
Он тяготится этим, будто ношей.
Ты не совет выкладывай ему,
А дай бесплатно жить в твоем дому!

На поезд опоздает он — обижен,
Как будто этим фактом он унижен.
И обвиняет всех, кого попало:
Железная дорога? Это мало!
Он родину пытается винить.

Плетет своих сомнений липких нить.

Нет, гражданин хороший, извини.
Повадки и сужденья измени.
Свои часы отставшие вини.
Остались в прошлом времени они.
Попробуй их как следует встряхни.
Ленивым ходикам не доверяй,
По радио порой их проверяй
И
семь часов хоть в день трудись и знай,
Что жизнь — хоть рай, но не бесплатный рай.

Это все у нас в России есть

С головами сахарными горы.
Низверганье ледяной струи,
Вниз сверканье.
Облаков слои...
Нужно в горы? Не беда, не горе —
Видишь, есть Швейцарии свои!

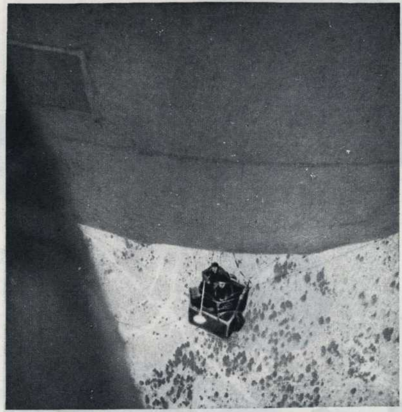
И не обязательно на Альпы,
Чтоб смотреть с альпийской крутизны.
Встал бы раньше и всмотрелся в даль бы —
Горы ждут в дымке́ голубизны.
Много чуда видывал я, помню,
На чужбинах.
Виденному — честь!
Только
сердце завистью не полню:
Это все у нас в России есть!
Есть и синее и голубое,
Даже высь космическая есть,
Дело жизни, любое, любо́е —
Есть дела. Возможностей не счесть.

Право есть на слово и на славу,
Дан язык великий и родной.
Есть у нас классическое право
С Лениным быть родины одной.

Это
не затем, чтоб зазнаваться,
Это —
хорошо мне сознавать,—
Это помогает мне сливаться
С бурей жизни, шествий и оваций,
В чувстве дружбы, радостного братства,
На посту бессменно оставаться,
Всей душой работе отдаваться,
Счастье не на время создавать!

В. БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ

Фото В. Сакка.



НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ В ВЕК РАКЕТ

РЕПОРТАЖ

*Внимание! Аэростаты * «Аэрон в аптечке!» * Навстречу космическим лучам * Воздушные реки * Посадка в лесу.*

1

— Хотите полететь? — спросили меня в редакции.

— Хочу,— ответил я и спохватился: — А на чем?

— На воздушном шаре.

— На воздушном ша-а-ре? — протянул я недоверчиво.

— Да, на воздушном шаре.— Мой собеседник улыбался, но я чувствовал, что он не шутит.

— А разве они еще летают? Или это для кино?

— В том-то и дело, что летают!

В конце концов я согласился лететь. С опаской, но согласился.

На летное поле Центральной аэрологической обсерватории я приехал в день очередного «выпуска», как называют между собой специалисты старт воздушных шаров. Приехал я туда как наблюдатель присмотреться, побеседовать с людьми.

Летное поле не пришлось долго искать: невдалеке от железнодорожной станции, прямо за крышами поселка, вставал в небо высокий серебристый купол воздушного шара. Он был неожиданно огромен и напоминал гигантское осиное гнездо. Сердце мое при виде его тревожно екнуло, словно мне сейчас на нем лететь, и сразу наполнилось нетерпением: лететь захотелось во что бы то ни стало и как можно быстрее.

Да, воздушный шар производил удивительно серьезное впечатление. В нем было что-то неземное, волнующее. Чувствовалась затаенная мощь, и невольно вспоминались межпланетные корабли из «Аэлиты» или «Борьбы миров».

Полететь самому мне удалось не скоро. И время до полета я провел в беседах с воздухоплавателями и в чтении специальной литературы, которую они мне давали.

По завершении моего «техминимума» я пришел к парадоксальному на первый взгляд выводу: воздушные шары — это техника не вчерашнего дня и даже не сегодняшнего, это техника будущего.

Попытаюсь это доказать, прежде чем начну рассказ о полете.

В 30-х годах появилась статья известного бельгийского аэронавта Августа Пикара, который первым поднялся на воздушном шаре в стратосферу. «Свободный аэростат — игрушка ветров. Какой цели он служит? Его даже нельзя направлять по желанию. Его место в сарае!» — воспроизводит Пикар в своей статье аргументы скептиков и отвечает: «Но мы, воздухоплаватели, высоко ценим свободный аэростат. Кто обвинил бы швейную машину за то, что она неспособна смолоть кофе? Кто обвинил бы кофейную мельницу за то, что она не может шить?..»

Двигаясь при дрейфе вместе с воздухом, что невозможно сделать ни на самолете, ни на ракете, воздушный шар дает возможность обстоятельно изучить направление и скорость движения воздуха, его влажность, температуру, плотность, электрические и оптические свойства, космическую радиацию, структуру облаков, струйные течения и т. д. Перечень этот продолжает увеличиваться. Воздушный шар можно сравнить с научной станцией на дрейфующей льдине или с мечеными атомами в живом организме. «Придет время, когда аэростат сделается таким же постоянным орудием ученого, каким ныне стал барометр»,— писал Д. И. Менделеев.

Однако к концу 30-х годов нашего века воздухоплавание все же пришло в упадок. Люди отвернулись от него. Почему?

Потому что воздушные шары плохо выполняли свое назначение: они не могли долго дрейфовать, причем время дрейфа быстро уменьшалось с высотой. Так, если на высотах до 3 тысяч метров воздушные шары могли находиться в течение нескольких дней, то, например, на высоте 16 тысяч метров самый совершенный в те годы стратостат «Комсомол» смог продержаться всего лишь два часа!

А ведь высотные полеты неизмеримо важнее для науки, чем полеты над поверхностью земли.

Долго дрейфовать на одной и той же высоте воздушным шарам мешало солнце. Оно было злостным врагом воздухоплавателей. Солнечные лучи нагревали оболочку воздушного шара, от оболочки нагревался газ и, расширяясь, выходил через «аппендикс» — автоматический предохранительный клапан. Солнечная же радиация усиливается с высотой, и поэтому в стратосфере потери газа становились особенно значительными.

Чтобы компенсировать потери, приходилось брать с собой много балласта. А это уменьшало «полезный вес» воздушных шаров. Приходилось делать огромную оболочку — она достигала при старте высоты 30-этажного дома! При трении складок на таких оболочках возникали сильные заряды статического электричества, что часто приводило к воспламенению водорода.

В общем, высотное воздухоплавание в довоенные годы было делом далеко не совершенным и не безопасным.

Помощь пришла неожиданно и с неожиданной стороны. Расцвет химии последних лет произвел революцию в воздухоплавании. Полиэтилен, заменивший прорезиненные ткани, одним ударом разрубил гордиев узел неразрешимых, казалось бы, проблем. Специальные, высокой прочности полиэтиленовые пленки оказались не только во много раз легче прорезиненного шелка, но — и это главное — они прозрачны и почти не нагреваются солнцем.

Если до войны стратостаты не поднимались выше 20 километров, то теперь они стали достигать высот в 34—36 тысяч метров, а без людей — до 45 тысяч! Если раньше время дрейфа в стратосфере измерялось часами, то теперь стало измеряться неделями! И, наконец, полеты стали намного безопаснее.

Все это не только возродило воздухоплавание, но и значительно расширило область его применения. В зарубежной печати были сообщения, что с помощью воздушных шаров уже строят дома, поднимая в воздух многотонные купола зданий, и запускают ракеты, используя воздушный шар вместо первой (самой дорогой!) ступени,— за пределами плотных слоев тропосферы ракету отцепляют от шара и включают двигатели.

Сотни различных научных работ выполняются теперь с помощью воздушных шаров. Для одной из таких работ был организован и тот полет, в котором довелось участвовать мне.

Целью его было испытание нового метеорологического термометра.

Оказывается, обычные термометры на больших высотах не показывают истинной температуры воздуха. Солнце и здесь выступает в роли вредителя. На земле термометр можно спрятать в тень, но где найти тень в безоблачной стратосфере? Ошибка в измерении температуры растет с высотой, и на 30-километровой высоте она доходит до 30°!

Как устранить ошибку?

В институтах многих стран ведется сейчас работа по созданию точных метеорологических термометров. Они создаются по разным принципам, но во всех отсутствует ртуть.

Создан, например, термометр, успешно определяющий температуру воздуха по... скорости звука, зависящего, как известно, от температуры. Но он сложен и не годится для повседневной работы метеорологов. Прибор, о котором у нас идет речь, менее точен, но более портативен. Это маленький ящичек, и на оси, выходящей из него, вращаются, как крылья ветряной мельницы, две квадратные рамки. В каждой рамке натянуты тонкие, словно паутина, проволочки. По ним идет ток. Меняется температура окружающего воздуха—меняется и температура проводов в рамках. А это вызывает изменение электрического сопротивления проводов. По изменению сопротивления можно судить об изменении температуры воздуха. На тонкие, блестящие и к тому же вращающиеся провода солнце почти не действует.

Создан этот прибор аспирантом Центральной аэрологической обсерватории Юрием Глаголевым.

2

И вот настал наконец день моего полета. Последний час перед стартом ушел на хлопоты.

Осмотр у врача:

— Как спали?

— Отлично!

— На что-нибудь жалуетесь?

— Нет!!!

— Что ели на ужин? Что на завтрак?

Потом переодевание: меховые штаны, унты, меховая куртка, парашют. Последние напутствия инструктора.

— Надо дернуть кольцо. Сосчитайте до пяти и дергайте,—

сказал он предельно небрежным тоном. Это, мол, так, формальность, дергать не придется.

Наконец приглашают на посадку.

Косые лучи солнца ярко высвечивают черные буквы на нижней части оболочки: «СССР-ВР-105». Вокруг аэростата густое кольцо людей. Они держат аэростат на стропах. Второе кольцо людей вокруг корзины: прилаживают оборудование.

Меня подсаживают, и я в корзине. Под ногами мешки с песком.

Время приближается к девяти. Глаголев торопливо настраивает свои приборы, Трофимов, второй пилот, проверяет рацию. «Пять, четыре, три, два, один»,— раздается у меня под ухом его низкий голос.

— Выдернуть поясные! — звучит команда стартера.

Через мгновение все стропы, которыми удерживался аэростат, падают с шумом на землю. Теперь нас держат у земли только лишние мешки с песком да руки людей, стоящих вокруг корзины. Стартер снимает с борта два мешка.

— На гондоле!—раздается его зычный голос. Он тянет и сразу резко: — Дай свободу!

Все снаружи разом убирают руки с бортов. Корзина словно оживает. Ветер подхватывает аэростат с места, и корзина скользит по траве.

— Держать! Держать! — кричит стартер.

Все снова хватаются за борта. Убирают еще мешок. Снова «дают свободу», еще убирают мешок. Гондола наша гуляет по полю. Люди держат ее и бегают вслед за нами.

— Пускай, пока ветра нет! — слышу я чей-то голос.

— Счастливого пути!

— Если что, в аптечке есть аэрон! — кричит доктор Трофимову. Это он, конечно, имеет в виду меня.

— В полете? — раздается с земли уставный вопрос стартера.

— Есть в полете! — отзывается командир аэростата Сергей Иванович Семин.

В десять часов наш аэростат, медленно и плавно поднимаясь, достигает заданной высоты — 4 тысяч метров. Семин уравновешивает его, и подъем прекращается.

В этот момент мы проходим над Дмитровом, отсюда кажущимся кучкой маленьких домиков, жмущихся к голубой полоске канала. Мы летим на север, солнце мягко греет нас, и необычная тишина и покой разлиты кругом. Ничто не шелохнется: мы летим вместе с ветром!

Однако до земли так далеко, что кажется, будто мы висим на одном месте. Висим над миром, серо-зеленым, серебристым по краям.

10 часов 32 минуты. Пролетаем над Вербилками. Высота — 4 100.

Глаголев производит измерения, я помогаю ему.

Работу Глаголев ведет сериями по 10 минут. Потом мы минут пять отдыхаем: тянем кислород. Клапаны кислородных приборов монотонно щелкают.

Через каждые 30 секунд я подтягиваю к гондоле стандартный (старого типа) термометр и сообщаю Глаголеву температуру. Он записывает ее. Впоследствии он будет сравнивать ее с показаниями электротермометра и выяснять, насколько «врет» стандартный. Оба термометра подвешены прямо к оболочке и висят метрах в десяти от корзины. Находиться вблизи корзины они не должны: солнце нагревает корзину и нас, а мы нагреваем воздух вокруг себя. Ведь мы же находимся все время в одном и том же слое!

Семин прерывает нашу работу:

— Кончайте, пора завтракать!

Пока мы с Глаголевым заканчиваем очередную серию измерений, Трофимов «накрывает на стол». Столом служит его чемодан с личными вещами. Трофимов садится в своем углу корзины на мешки с песком и на свой парашют, а чемодан кладет к себе на колени. Мы следуем его примеру и устраиваемся каждый в своем углу. Колени наши почти соприкасаются.

Над головой серебристый шатер оболочки, а под ногами, под полом, сплетенным из ивовых прутьев, четырехкилометровая бездна.

Мы висим над ней и с неземным аппетитом поглощаем жареного окуня.

В самый разгар нашего уютного завтрака над головой Трофимова начинает пищать рация: «СССР-ВР-105»! «СССР-ВР-105»!.. Слежу за вами, слежу за вами!»

— Ну, следи, следи! — ворчит, поднимаясь, Трофимов и, вытерев руки, начинает отстукивать ответ.

— Под нами Волга, братцы!— сообщает он, глянув за борт.

После завтрака мы с Глаголевым продолжаем измерения. Теперь, то ли от еды, то ли уже от усталости, все почти не отрываются от кислородных масок. В мягкой тишине, окружающей нас, раздается приятное ритмичное пощелкивание кислородных клапанов.

В 13 часов на высоте 4 200 метров мы проходим северо-восточнее Кашина. Нас все больше сносит на восток, к Рыбинскому морю.

В 2 часа дня Глаголев заканчивает последнюю серию измерений, и мы начинаем готовиться к посадке — самому сложному и опасному этапу полета. Подтаскиваем все висящие за гондолой приборы, отцепляем их и тщательно принайтовываем к бортам с внутренней стороны.

Управившись, садимся отдохнуть. Глаголев, посасывая кислород, рассказывает мне о своих планах. Он мечтает подняться со своим термометром в стратосферу километров на двадцать пять, где его термометр особенно необходим.

Но, увы, пока это только мечты: в ЦАО нет еще современных полиэтиленовых оболочек, пригодных для полета людей.

— Химическая промышленность тянет нас к земле,— говорят воздухоплаватели.

Думается, конечно, что при желании наши химические заводы могли бы изготовить хорошие полиэтиленовые оболочки для высотных полетов. Но коекем, видимо, овладело чувство самоуспокоенности: ракеты, мол, у нас есть — обойдемся без воздушных шаров.

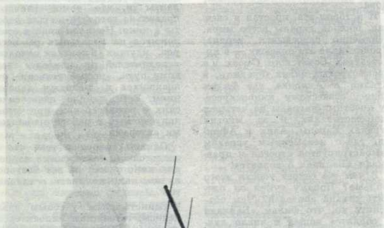
Однако обойтись без них невозможно.

3

Всем известно, что многие научные приборы не могут работать в условиях вибрации или в соседстве с большими массами металла. Но такие приборы необходимы порой для решения физических проблем в верхних слоях атмосферы. Как же поднять их на большую высоту?

Ученые были вынуждены вспомнить о воздухоплавателях.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ МОМЕНТ. НАПОЛНЯЕТСЯ ВОДОРОДОМ ПОЛИЭТИЛЕНОВАЯ ОБОЛОЧКА ДЛЯ ПОДЪЕМА В СТРАТОСФЕРУ АВТОМАТИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ АППАРАТУРЫ.



ГИРЛЯНДА НА СТАРТЕ. С ПОМОЩЬЮ ГИРЛЯНД НА ТРИДЦАТИКИЛОМЕТРОВУЮ ВЫСОТУ ПОДНИМАЮТСЯ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ АВТОМАТИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ПРИБОРЫ. С ИХ ПОМОЩЬЮ ВПЕРВЫЕ В НАШЕЙ СТРАНЕ БЫЛ ПОДНЯТ В СТРАТОСФЕРУ КОНТЕЙНЕР С ПОДОПЫТНОЙ СОБАКОЙ.

Но воздухоплаватели поначалу ничем не могли им помочь: не было полиэтилена. Тем не менее для ряда работ выход был найден. По предложению инженеров А. С. Масенкиса, Т. М. Кулинченко и Г. И. Голышева были использованы маленькие резиновые шары. Эти шары легче и прозрачнее обычных, имеют возможность растягиваться и поэтому поднимаются значительно выше. Более ста таких шаров связываются в одну гирлянду, к ней подвешивается научная аппаратура, и вся эта система запускается в воздух. Гирлянды достигают 30-километровой высоты и некоторое время дрейфуют на ней, пока распираемые газом резиновые шары не начинают лопаться. На землю аппаратура спускается с помощью парашюта.

И все же гирлянды не могут полностью заменить современные воздушные шары, изготовленные из пленочных материалов.

Еще задолго до войны были предсказаны, а во время войны обнаружены необычайно сильные течения, струи воздуха в тропосфере и стратосфере. Они имеют ширину в 300—400 километров, толщину в 2—4 километра. Длина этих воздушных гольфстримов может достигать десятков тысяч километров. Нередко они опоясывают земной шар.

Но самое интересное — это их скорость: от 100 до 700 километров в час!

Надо еще добавить, что направление струйных течений весьма устойчиво. Летчики называют их за это «воздушными реками».

«Воздушные реки», как теперь считают ученые, играют важную роль в климате земного шара. Они объясняют многие метеорологические явления. Поэтому изучение струйных течений имеет большое значение для усовершенствования методов прогноза погоды.

Кроме того, изучение «воздушных рек» крайне важно для современной реактивной авиации — сотни километров даровой скорости! Но не изученные они представляют большую опасность.

Хорошим средством для изуче-

ния струйных течений, пролегающих на высотах от 9 до 30 километров, может служить современный полиэтиленовый воздушный шар.

Полиэтиленовые стратостаты могут быть использованы и для космической медицины: в изучении действия космических лучей на организм в течение длительного времени, в изучении невесомости. Поднявшись на тридцатикилометровую высоту, пилоты отцепят гондолу и будут падать в ней, не раскрывая гондольного парашюта, 10—15 тысяч метров. При свободном падении тело в гондоле будет находиться в состоянии полной невесомости.

Возможно, воздушные шары смогут найти применение и в сельском хозяйстве. Сейчас, как известно, наука уже имеет средства и для того, чтобы заставлять некоторые виды облаков проливаться дождем или выпадать снегом на землю, и для того, чтобы рассеивать градоносные или грозовые тучи.

Для этого облака «засеваются» из самолетов или с помощью ракет специальными веществами, такими, как твердая углекислота, йодистое серебро. Дело это, как нетрудно понять, сулит сельскому хозяйству огромные выгоды. Однако самолеты и ракеты — очень дорогое удовольствие. Воздушные шары, которые смогут без пилотов дрейфовать вместе с «обрабатываемыми» облаками, сбрасывая в них нужные вещества по радиосигналу с земли, будут гораздо удобнее и выгоднее.

Трудно даже перечислить все области применения воздушных шаров.

4

— Передай: идем на снижение! — говорит Семин Трофимову и тянет за канат клапана. Раздается тихое шипение: это выходит водород.

Земля начинает «расти». Становится заметным и наше движение над ней, словно бы скорость полета возрастает.

Делаю последнюю затяжку кислорода «на память» и отстегиваю шланг от куртки. Трофимов тщательно закручивает вентили на баллонах.

Впереди по горизонту все шире разливается синева Рыбинского моря. Перед ним вырисовывается большой лесной массив. Нас несет на него.

Пролетаем над какой-то речкой. На берегу — большое село. Семин последний раз смотрит на карту. Река Сыть. Село Красное.

— Передай: посадка в районе Красного — и убирай антенну! — говорит он.

Лес приближается, а до земли еще метров пятьсот.

— Если будем садиться на лес, не пугайтесь!—говорит Семин.— Наваливайтесь спиной на борт посильнее, и все будет в порядке.

Посадка на лес, как я знаю, не очень-то рекомендуется. Но за лесом Рыбинское море...

Глаголев, видимо, не очень надеясь на «порядок», берет свое детище—серебристый ящичек — в руки, а меня просит подержать и по возможности сохранить при посадке в целости проволочную мельницу термометра. Одна рука у меня теперь занята, и я чувствую себя от этого наполовину беспомощным, но ничего не поделаешь: надо помочь.

— Гайдроп! — командует Семин.

Трофимов вынимает нож и одним ударом перерубает веревку, удерживающую гайдроп. Он тяжело уходит вниз. Корзина колеблется. Я оборачиваюсь и смотрю назад.

Гайдроп, как большая змея, гонится за нами. Он волнисто изгибается на верхушках елей.

И тут начинается! Мы вдруг резко идем вниз. Я отчетливо вижу две вершины. Они, словно отделившись от своих собратьев, поднимаются нам навстречу. Они приближаются, растут, и нет никакого сомнения, что мы врежемся сейчас именно в них.

— Держись! — кричит Трофимов.

Мягкий удар. Треск раздираемых веток. Вершина гнется. Мы соскакиваем с нее и ударяемся о вторую. Еловые лапы лезут в корзину. Мы садимся на дно корзины. Мы очень верим сейчас в ее прочность!

Вдруг, с треском продравшись сквозь ветви, мы снова высоко взмываем над лесом. На душе становится легче: в воздухе я теперь чувствую себя безопаснее. Но садиться все-таки когда-то надо. И, по-видимому, в лес: за лесом вода.

Впереди показывается поляна. Семин вновь открывает клапан. Поляна приближается. Но в конце ее огромная осина. Осина надвигается на нас. Снова удар и треск, и сучья сыплются, лезут в корзину. Корзина скрипит, и вдруг — тишина... Я поднимаю голову. Оболочка стоит над нами около верхушки дерева! Стропы перепутались с ветвями.

«Сели!» — проносится у меня в голове. И вдруг я чувствую, что корзина снова начинает подниматься! Оболочка хлопает и рвется вверх. Семин буквально висит на клапанной веревке, а мы с ожесточением цепляемся за ветви. Взлетать еще раз у нас уже нет никакого желания! Но оболочка наконец успокаивается, и мы прочно утверждаемся на земле. Однако, когда я берусь за стропы, чтобы вылезть из корзины, Трофимов хватает меня за руку.

— Назад! — кричит он.— Вы хотите, чтобы мы улетели?!

И до меня доходит весь трагикомизм нашего положения: мы не можем покинуть корзину! Стоит только одному из нас вылезти из нее, как остальные трое сейчас же улетят. Шутка ли сказать, убавится сразу килограммов девяносто «балласта»!

— Что же будем делать? — беспомощно спрашиваю я Семина.

— Сейчас сюда люди сбегутся, и все будет в порядке,— отвечает Семин.— Отдыхайте!

И действительно, буквально через несколько минут после нашего приземления мы услышали в лесу треск и топот множества ног. Корзину нашу окружили запыхавшиеся деревенские парни.

Семин велел им замотать гайдроп вокруг ближайшего дерева, и мы наконец покинули корзину, сойдя на родную твердую землю.

Через два дня мы вернулись в Москву. Корзина, приборы и свернутая оболочка приехали вместе с нами багажом.

НА

Люди волновались, люди плакали, возмущались и радовались, переживали... Люди отчаивались, и верили, и восхищались... Это происходило каждый раз, когда в зале гас свет и оживший экран начинал рассказывать о нескольких днях из жизни простого паренька, советского солдата Алеши Скворцова.

И история эта, простая и светлая, обошла экраны всего мира, неизменно завоевывая сердца. Происходило это повсюду — в кинотеатрах Советского Союза и в просмотровых залах Франции, в Италии и Америке, где фильм принес советскому киноискусству почетные награды на четырех кинофестивалях, и во многих странах Европы, Азии и Африки, где с неизменным успехом демонстрируется строгая и правдивая «Баллада о солдате».

В чем же секрет успеха этого фильма? Почему сумел он пленить сердца зрителей? Чем объяснить то, что фильм «Баллада о солдате» вошел в число лучших произведений мирового киноискусства за 1960 год?

Следует отдать дань талантливому сценарию Ежова и Чухрая, превосходной режиссерской работе Григория Чухрая, труду всего большого коллектива съемочной группы. Но следует также признать, что одной из главных причин успеха «Баллады о солдате» была молодость главных его исполнителей — киноактеров, второкурсников Института кинематографии Володи Ивашова и Жанны Прохоренко, играющих роли Алеши Скворцова и Шуры.

Этот характерный пример показывает, насколько важна возрастная проблема — проблема молодого киноактера. Роли молодых рабочих и студентов, колхозников и инженеров, солдат и моряков, роли молодых героев и героинь требуют столь же молодых исполнителей. Значит, вопрос подбора и подготовки молодых киноактеров становится не просто частной проблемой современной кинематографии — он становится одним из основных вопросов нашего киноискусства.

Однако в этом отношении у нас не все благополучно. На киностудии «Мосфильм», студии имени Горького, «Ленфильме», Одесской, Свердловской и других студиях страны режиссеры-постановщики постоянно испытывают нехватку молодых, способных киноактеров восемнадцати — двадцатилетнего возраста.

Значит ли это, что у нас нет молодых актеров?

Конечно, нет. Молодых талантов в советском искусстве много. Но беда в том, что у нас не всегда умеют выявить эти таланты и, что самое главное, правильно готовить их для работы в кино. Немалая вина в этом ложится на отдельных режиссеров, идущих в поисках молодых исполнителей по наиболее легкому пути, «потребительски» относящихся к молодым дарованиям. Есть немало педагогических и режиссерских просчетов, допускаемых в работе с молодыми актерами.

Однако, говоря о том, что с подготовкой актерских кадров для кино у нас не все благополучно, надо начинать с главного.

Единственным учебным заведением, готовящим киноактеров, является Всесоюзный государственный институт кинематографии. Туда принимаются молодые люди со средним образованием, доказавшие на вступительных конкурсах свою творческую одаренность. Многих актеров-вгиковцев советские зрители знают по широко известным кинокартинам: «Отчий дом» (Л. Марченко), «Баллада о солдате» (Вл. Ивашов и Ж. Прохоренко), «Рожденные бурей» и «Человек родился» (О. Бган), «Воскресение» (Т. Семина), «Молодая гвардия» (почти все роли молодогвардейцев исполнены вгиковцами), «Пиковая дама» (О. Красина), «Карнавальная ночь» (Л. Гурченко).

— В чем же дело? — может спросить читатель.— Ведь приведенные выше примеры говорят о том, что ряды молодых киноактеров непрерывно пополняются выпускниками института.

Но все дело в том, что героев этих фильмов играли не выпускники ВГИКа. Все эти актеры снимались в кинокартинах, будучи студентами младших курсов института. Многие из них и сейчас еще учатся там.

Почему же студентов младших курсов занимают в кинокартинах гораздо чаще, чем выпускников? Причина проста: современному кино необходимы актеры восемнадцати—двадцати лет.

Статья печатается в порядке обсуждения.

ПУТЯЖ к ЭКРАНУ

Давайте возьмем в руки документы Института кинематографии и посмотрим фамилии студентов, приглашенных для участия в кинокартинах. Мы увидим, что большинство этих фамилий падает на первый, второй, третий курсы и лишь меньшинство — на четвертый и выпускной. И это вполне естественно, ибо сами законы киноискусства, сама жизнь заставляют режиссеров искать исполнителей среди наиболее молодых киноактеров. Но, с другой стороны, можно понять и позицию педагогов ВГИКа, смотрящих на режиссеров, «вырывающих» студентов из стен института, как на заклятых врагов учебного процесса. Ведь съемка, естественно, нарушает планы института. Дирекция ВГИКа запрещает студентам младших курсов соглашаться на участие в фильме. Получается парадокс: с одной стороны, участие в фильме актеров помогает нашему киноискусству создавать мировые шедевры, а с другой — участие этих же юных актеров в фильме идет вразрез с правилами обучения во ВГИКе.

Очень часто это приводит к неприятным последствиям для молодого киноактера. В прошлом учебном году на первый курс института в мастерскую С. Герасимова была принята Ольга Красина. Чуть позже ее пригласили на съемки фильма «Пиковая дама». Казалось, чего лучше — снялась бы Оля в картине и получила бы большой практический навык. Но Красина вынуждена была стать перед выбором: или институт, или участие в съемках. Она предпочла последнее.

Получился двойной проигрыш. Институт лишился способной студентки, а сама Красина, оставив ВГИК, лишилась возможности получить систематическое актерское образование. Сейчас она приглашена на съемку новой картины, и ей грозит участь остаться полупрофессионалом.

Мне довелось разговаривать с людьми, отвечающими в институте за творческую подготовку студентов актерского факультета. Вот слова, которые я услышал:

— Мы считаем неправильным и нецелесообразным разрешать сниматься студентам младше четвертого курса.

Может быть, теоретически эта установка и призвана содействовать правильному воспитанию киноактеров. Однако практически получается наоборот. Из-за участия в съемках оставлены на второй год студенты Л. Марченко, Т. Семина, В. Носик, отчислены из института О. Бган, Т. Бестаева и другие. Соглашаться на участие в съемках студентам первого — третьего курсов запрещено. К тем же, кто согласился на участие, применяются административные меры, первая из которых — автоматическое снятие со стипендии.

Между тем участие в съемках студентов оказывает, как правило, благотворное влияние на рост их актерского мастерства.

— Те, кто возвращается в институт после съемок, после киноэкспедиции, как, например, Володя Ивашов и Жанна Прохоренко, снявшиеся в «Балладе о солдате», как Люда Марченко — в «Белых ночах» И. Пырьева, Валерий Носик, сыгравший главную роль в фильме И. Хейфица «Горизонт», становятся совершенно другими людьми,— говорят все без исключения студенты-киноактеры, те, кто еще не снимался в «настоящей» кинокартине.— Мы и глядим на них по-другому: они приобрели практические навыки, на деле познали многие секреты мастерства. Им неизмеримо легче теперь учиться, подкрепляя опыт теорией, нежели нам...

Получается нелепица: пока режиссеры-постановщики ищут молодых исполнителей, студенты второго и третьего курсов, которым сейчас самое время сниматься в кино, вынуждены ждать еще несколько лет, чтобы получить это право.

Вывод один: молодые киноактеры заканчивают свое образование, получают диплом слишком поздно. Происходить это должно раньше, **гораздо раньше** — на 3—4 года. Киноактер должен быть профессионально готов к работе в кино в 18—20 лет. Этого требуют интересы нашего киноискусства, призванного отражать современную действительность, одним из непременных и активнейших участников которой является молодежь.

Пути, по которым должна идти перестройка системы образования киноактеров, могут быть различны. Даже при нынешнем положении дел можно и нужно сократить программу актерского факультета ВГИКа минимум на полтора-два года. Она явно перегружена лишними дисциплинами. Однако это лишь полумера. Видимо, настала пора говорить об основании учебного заведения или факультета на базе неполной средней школы, об основании среднего учебного заведения для подготовки актеров кино.

Есть у нас, например, специализированные художественные, музыкальные, балетные школы-десятилетки. Почему бы не подумать о создании школы такого типа для подготовки киноактеров? Идея организации такого учебного заведения буквально «носится в воздухе». Об этом говорит, например, возникший у преподавателей ВГИКа замысел создать в Москве интернат на базе 8 классов, в котором специально отобранные молодые люди в течение трех лет приобретали бы основы киноактерского мастерства.

Не может не вызвать серьезных опасений и то, что выпускники ВГИКа оказываются фактически брошенными на произвол судьбы. Все заботы об устройстве их на работу предоставлены им самим. Из 15—18 человек, кончающих факультет ежегодно, как правило, попадают на работу по специальности лишь 5—6 человек. Остальные уходят в театр или деквалифицируются. Большинство студентов, учащихся сейчас во ВГИКе, мечтают после окончания поступить... в театр.

Чем это вызвано? Почему выпускники ВГИКа Р. Нифонтова, Иг. Косухин, З. Кириенко работают сейчас в театре?

— Все дело в том,— отвечают бывшие студенты ВГИКа,— что в театре нет опасности деквалифицироваться. Там все время работаешь, все время что-то приобретаешь. А на студии посидишь «без картины» год-два — и, смотришь, потерял мастерство.

Не удивительно, что среди режиссеров и актеров сейчас бытует убеждение, что театр для актера — это накопление мастерства, а кино — отдача. Это действительно так. Но так быть не должно.

В процессе обучения киноактеров во ВГИКе ничего не делается для подтверждения и фиксации творческих возможностей молодого киноактера. Те, кто успел сняться за время учебы в «настоящей» картине, считают себя счастливчиками. Им есть чем подтвердить свой талант, свои профессиональные возможности после института. А остальные? Фильмов, специально предназначенных для этого, учебная киностудия ВГИКа пока не производит. Остается дипломный спектакль. Но он проходит — и о спектакле остаются лишь воспоминания. На пленку этот спектакль не снимается.

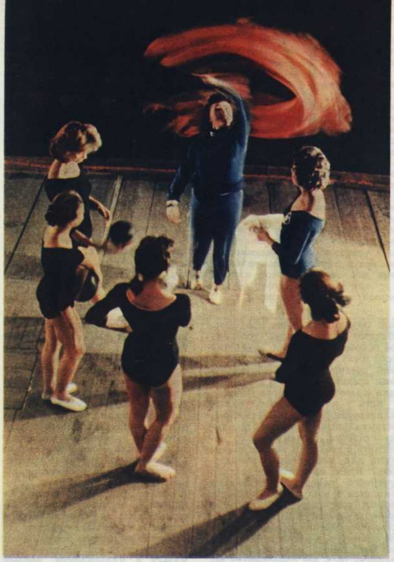
Обязательная фиксация творчества студента в фильмах, обязательная киносъемка дипломного спектакля — вот непременное и обязательное условие подготовки киноактера к профессиональной работе. Выпускнику, пришедшему на студию с «готовой» картиной, не придется долго засиживаться: он будет желанным гостем в съемочных группах.

Можно ли считать нормальным то, что студенты мечтают сниматься в кинокартине, потому что хотят «хоть чему-нибудь научиться на производстве»? Неужели ВГИК так мало дает студентам в овладении специальностью? Это так. Сделаем любопытное сравнение: в театральных учебных заведениях на актерское мастерство отводится 6 часов в день, а в Институте кинематографии — 8—10 часов... в неделю!

А ведь практика кино и даже практика ВГИКа знает примеры, когда участие студентов-киноактеров в фильме счастливо сочеталось с процессом обучения, принося пользу и подготовке киноактеров и нашему киноискусству. Каждому из нас запомнился один из лучших советских фильмов, «Молодая гвардия» С. Герасимова. Выдающийся кинорежиссер, являющийся одновременно преподавателем ВГИКа и ведущий свою творческую мастерскую, решил создать картину силами своих студентов. Результаты этого опыта замечательны. Наше искусство обогатилось новым высокохудожественным произведением, а второкурсники, снимавшиеся в нем, стали впоследствии замечательными киноактерами. Это Н. Мордюкова, И. Макарова, С. Бондарчук, Л. Шагалова, С. Гурзо, В. Тихонов.

Молодым силам нашего киноискусства должны быть созданы все условия и для учебы и для успешной работы после окончания института. Это имеет немалое значение для дальнейшего развития советской кинематографии — самого массового, самого могучего вида искусства. Это волнует всех.

Ан. РОМОВ



— ВСЕ НАДО ДЕЛАТЬ КРАСИВО, — ГОВОРИТ УЧЕНИЦАМ ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСЕЕВНА ОБЛЫГИНА.

УВЛЕЧЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКОЙ — СВОЕОБРАЗНАЯ ТРАДИЦИЯ СЕМЬИ НАЗМУТДИНОВЫХ. СТАРШАЯ СЕСТРА, ЛИЛЯ, ЗАНИМАЕТСЯ С САМОЙ МЛАДШЕЙ — ДЕВЯТИЛЕТНЕЙ МИРОЙ.

ЛИЛЯ НАЗМУТДИНОВА — СТУДЕНТКА ИНСТИТУТА ФИЗКУЛЬТУРЫ. ВЫ ВИДИТЕ ЕЕ (КРАЙНЯЯ СПРАВА) НА УРОКЕ ФИЗИОЛОГИИ.

Ф. ОВЧАРЕНКО

ПО ЗАКОНАМ КРАСОТЫ

Фото В. Тюккеля.

Худенькая черноглазая девочка стоит, нахохлившись, у входа в спортивный зал. Закусив губу, она смотрит сквозь узкую щелку меж неплотно прикрытыми половинками двери. Из зала доносится прозрачная, свободно льющаяся мелодия. В щелку видно, как стройные, гибкие девушки в разноцветных костюмах, почти не касаясь пола, бесшумно скользят по кругу, а руки их, словно трепетные крылья, стремительно взвиваются над головой и в следующее мгновение мягко чертят в воздухе невидимые узоры. Девчонка не может оторваться от двери, как будто за ней сказочная страна, неведомая и манящая. Что бы только она не отдала, лишь бы и ей разрешили переступить через этот порог и попробовать так же легко и красиво проплыть по залу, чутко откликаясь на самые неуловимые переливы светлого, весеннего вальса... Но девчонка знает, что и сегодня все закончится, как и раньше. Смущенная подойдет она к тренеру, а та, оглядев ее с ног до головы, бледную и нескладную, снова скажет со вздохом:

— Займись лучше чем-нибудь другим. Не всем же идти в художественную гимнастику...

Однако на этот раз случилось иначе. Елизавета Алексеевна Облыгина до сих пор не может точно объяснить, почему в тот день она уступила и сказала этой черноглазой упрямице совсем не то, что думала:

— Ладно, приходи на следующее занятие. Может быть, что-нибудь из тебя и получится...

Улыбнулась, обнадежила девчонку. А когда та, обрадованная и счастливая, вприпрыжку понеслась по коридору, не на шутку задумалась, нахмурила брови. А у самой-то у тебя получится, Лиза? Может, зря ты пустилась в это рискованное плавание? Взялась за художественную гимнастику, толком не представляя даже, что это такое. Зная лишь одно: здесь все надо делать красиво.

Красиво!.. Какое простое и в то же время емкое слово! Сколько раз оно невольно срывалось с уст, когда она, Лиза Облыгина, обыкновенная ленинградская девчонка, бродила со сверстницами по набережной Невы, любовалась волшебным очарованием белых ночей, в немом изумлении замирала у неповторимых полотен в больших и тихих залах Эрмитажа! О настоящей красоте, которая вдохновляет человека на что-то светлое, яркое, увлекает к подвигу, учит дерзать и мечтать,— о такой красоте Лиза задумывалась не раз. И в счастливую пору радостно начавшегося детства. И в горькие, студеные дни блокады, когда матери, умирая от голода, отдавали последнюю крошку хлеба плачущим малышам. Может быть, тогда она и поняла впервые, что прекрасное проявляется в людях исподволь, само собой, как результат внутреннего благородства, душевной чистоты и щедрости. И что одно от другого неотделимо. В этом Лиза убеждалась не раз и позже, когда ее, едва живую, вывезли через Ладожское озеро из осажденного Ленинграда на Урал, где она нашла новых друзей, где стала свердловчанкой.

Чуткие, заботливые люди не только помогли ей стать на ноги, но и вернули веру в себя, оживили ее мечту. Лиза снова пришла в спортивный зал. Затем поступила в техникум физкультуры. Молодому преподавателю предложили создать и вести при детской спортивной школе гороно отделение художественной гимнастики. Лиза долго колебалась, зная, что работать придется, полагаясь главным образом на свою сообразительность и фантазию. Специалистов по этому молодому виду спорта в городе не было. А из пособий у нее имелась только тоненькая книжечка «Художественные движения», которую совершенно случайно удалось разыскать в киностудии.

И все же она решилась.

Вот и первые ученицы. Одна сутулится, другая чересчур порывиста в движениях, а третья угловатая, как мальчишка. И всех их она должна научить в совершенстве владеть своим телом. Сделать их не просто спортсменками, которые способны выполнить определенный норматив. Привить им силу гимнаста, пластику и музыкальное чувство балерины, смелость акробата, творческую фантазию художника... А как этого добиться, когда в секцию приходят не вундеркинды, а самые заурядные новички, вроде той черненькой нескладной и худосочной девчонки, которой она не смогла отказать?..

На очередном занятии Елизавета Алексеевна отыскала взглядом черноглазую упрямицу:

— Как тебя зовут?

— Лиля,— тихо ответила девочка и еще тише добавила: — Лиля Назмутдинова...

Долгое время Лиля была у Елизаветы Алексеевны нелюбимой ученицей. На нее не возлагалось никаких надежд. Но девушка оказалась на редкость трудолюбивой. Сотни, тысячи раз повторяла она, оттачивая и шлифуя, даже самые простейшие элементы и движения. Мать только качала головой, видя, как дочка, улучив свободную минутку, забыв обо всем на свете, ловко лавирует меж стульев, проделывая одно за другим выученные на тренировке упражнения. А стоило заиграть музыке, Лиля спешила включиться в ее ритм, слиться в движении с мелодией. У Лили не выходили из головы слова, которые она услышала однажды во время спора Елизаветы Алексеевны с пианисткой, аккомпанировавшей им на тренировках. Пианистка возмутилась, что ее каждый раз заставляют с такой тщательностью выучивать музыкальные отрывки и целые сонаты, словно ей надо было сидеть за фортепьяно не в спортивном, а в концертном зале.

— Выигрывай вам каждую нотку! Это же в конце концов всего лишь гимнастика.

— Это художественная гимнастика,— подчеркнув нужное слово, спокойно ответила Елизавета Алексеевна.— Значит, все должно быть гармонично, красиво, без фальши!..

Без фальши!.. Вот в чем секрет. Выполняешь ли ты строго очерченные программой обязательные упражнения или импровизируешь, создавая свой стиль, отыскивая оригинальный рисунок и ритм произвольного выступления, совершаешь головокружительный прыжок или удивляешь зрителей серией акробатических трюков, следующих один за другим, в любом случае ты должна быть легкой, грациозной, женственной. Никто не должен знать, каких усилий стоил тебе хотя бы вот этот стремительный танец с лентой, все очарование которого в свободной непринужденности движений, в естественной воздушности и подкупающей простоте каждого жеста, мельчайшей детали.

Так учила своих воспитанниц Елизавета Алексеевна Облыгина. И радостно было видеть ей, как вчерашние новички преображались буквально на глазах, становились стройнее, свежее, красивее. Сюрпризы начались довольно скоро. В первенстве Российской Федерации по художественной гимнастике, которое проходило в 1949 году в Иванове, дебютанты — десять деву-

шек из Свердловска — уверенно заняли третье призовое место. Шесть воспитанниц Елизаветы Алексеевны вошли в сборную команду России. На следующий год свердловчанки выиграли первенство Федерации и окончательно закрепили за собой репутацию одного из сильнейших коллективов страны. Настоящую же славу нового центра художественной гимнастики Свердловску принес 1954 год, когда впервые в Советском Союзе было разыграно звание чемпионки страны по этому виду спорта.

...Отчаянно волнуясь, вышла на середину зала Лиля Назмутдинова. Она была уже не той слабенькой и невзрачной девчонкой, которую когда-то скрепя сердце приняли в секцию. Перед судьями и восхищенными зрителями с подлинным вдохновением выступала красивая, прекрасно владеющая сложным искусством художественной гимнастики черноволосая девушка с задорными огоньками в глазах. Дружно рукоплескал ей зал. Это была замечательная победа. Школьница из Свердловска стала первым в стране мастером спорта по художественной гимнастике и поднялась на самую высокую ступень пьедестала почета — ей вручили золотую медаль чемпионки Советского Союза.

С тех пор Лиля еще дважды завоевывала высокий титул чемпионки. Но даже тогда, когда первое место занимала не она, а киевлянка Лена Бирюк, свердловчане все равно испытывали чувство гордости. Ведь и Лена начала свой путь у Елизаветы Алексеевны, выросла в спортивной школе от робкого новичка до перворазрядницы.

В минувшем году на первенстве страны Лиле Назмутдиновой не хватило всего 0,1 балла, чтобы догнать спортсменку из Грозного — Виолетту Смотрину. Но спор не окончен. Я уверен, свердловчанки еще не раз заставят заговорить о себе. Тем более, что здесь растут новые мастера, подруги в жизни, соперницы в спорте. Давно ли Таню Заостровскую, Музу Чулошникову и Киру Копылову девчата постарше любовно называли «наш детский сад»? А сегодня они уже мастера спорта, закаленные в чемпионатах бойцы, если можно употребить в применении к художественной гимнастике такое тяжеловесное выражение. Не отстают от них и «малыши»: несколько девчонок с косичками выполнили недавно впервые норматив мастера спорта. Взять хотя бы семиклассницу Розу Назмутдинову. Ей всего пятнадцать лет...

— Назмутдинова? — спросите вы.— Однофамилица?

Нет, сестра. Увлечение художественной гимнастикой с легкой руки Лили стало своеобразной традицией в семье Назмутдиновых.

— В доме теперь целая секция,— шутят соседи,— можно даже соревнования проводить.

И действительно. Кроме Лили и Розы, художественной гимнастикой занимаются и остальные сестры: пятиклассница Аля (у нее уже второй разряд) и самая младшая — девятилетняя Мира. Если все они будут такими же настойчивыми, как их старшая сестра, им наверняка удастся установить своего рода рекорд: четыре мастера в одной семье!

Но дело даже не в том, кто станет чемпионом, кому ходить в мастерах. Важнее всего, что девчата, полюбившие художественную гимнастику, породнившиеся с этим замечательным видом спорта, не только крепнут физически, но и набираются с каждым днем нравственных сил, развивают свой вкус, проходят чудесную школу эстетического воспитания. Ведь, право же, не случайно в отделении, которым руководит Елизавета Алексеевна Облыгина, всегда царит дух дружбы, настоящего товарищества, высокой требовательности. Есть за что любить этих скромных и душевных девчат!

Как переживали они, когда вдруг узнали, что заболела их подруга Вера Фурман! Врачи заподозрили у нее туберкулез кости. Каждый свой день девочки начинали разговором о том, чем помочь подруге, кому ее навестить, что написать в записке, что передать, где найти новейший препарат. И сколько было радости, когда выяснилось, что опасения врачей не подтвердились. Только благодаря моральной поддержке подруг Вера, несмотря на двухмесячный перерыв в тренировках, сумела снова войти в форму и успешно выступить на первых же соревнованиях.

Это замечательно, когда люди по-настоящему красивы... Сравнительно нетрудно нарастить впечатляющие бицепсы. Невелика заслуга родиться с внешностью голливудской звезды. А вот воспитать в себе чувство прекрасного, стать из неприметного, нескладного подростка человеком с гармонично развитой фигурой и широким кругозором — это, пожалуй, здорово. И именно такими растут воспитанницы заслуженного тренера Советского Союза Елизаветы Алексеевны Облыгиной! Мастер спорта Нелли Кирильцева стала знающим инженером. Недавно завоевавшая это звание Таня Заостровская вчера еще работала на фабрике «Уралобувь», а сегодня она студентка политехнического института. Заканчивает среднее образование без отрыва от производства Светлана Назаренко. Хорошо учатся все шестьдесят пять воспитанниц отделения художественной гимнастики. Они твердо усвоили наказ своего тренера: всю свою жизнь строить по законам красоты. И это, наверно, символично, что на книжной полке у студентки института физкультуры Лилии Назмутдиновой рядом с «Мужеством» Веры Кетлинской, романом о подвиге, стоят два толстых тома «Семьи Тибо» Роже Мартена дю-Гара, повествующих о силе искусства. И думаешь еще о том, что неспроста смутился известный американский дипломат Аверелл Гарриман, когда во время визита в Свердловск ему довелось встретиться с юными гимнастками спортивной школы. Заокеанский гость был поражен буквально всем: и мастерством девушек, и их кругозором, и тем, что обучение здесь идет за счет государства,— не говоря уже о том, что призер первенства России школьница Марина Бурцева вела с ним беседу на чистейшем английском языке!

...На Урале весна наступает поздно. Поэтому здесь особенно радуются появлению первых цветов. И Елизавета Алексеевна не может сдержать счастливой улыбки, когда, войдя в тренерскую, видит вдруг у себя на столе нежно-голубые фиалки. Каждый год в это время они неизвестно каким путем попадают даже в закрытую комнату. Ни разу она не видела, кто приносит цветы. Поэтому, прежде чем начать тренировку, Елизавета Алексеевна спрашивает выстроившихся в зале девчат:

— Кого же мне благодарить за фиалки?

Девочки молчат. Только улыбаются. Все как одна.

И не знают, не ведают, что в эту самую минуту стоит у приоткрытой двери и с завистью смотрит на них худенькая, неказистая девчонка, которой так хочется переступить порог в эту сказочную, неведомую и манящую страну...

В труде дел, в суматохе явлений...

С Вахтангом Пурцхванидзе, секретарем Котовского райкома ЛКСМУ Одесской области, я познакомился несколько лет назад. И все это время хотел написать о нем.

Но недавно, когда мне сказали в редакции: «Поезжай к Вахтангу. Напиши о нем»,— я решил поступить по-иному.

Вместо того, чтобы писать о Вахтанге, я с его разрешения публикую отрывки из писем, которые он иногда присылал мне. По-моему, эти письма красноречиво рассказывают о делах и думах комсомольцев Котовского района и их вожака.

Бор. СЕМЕНОВ

(ШЕСТЬ ПИСЕМ ИЗ СЕЛЬСКОГО РАЙКОМА)

21 января 1959 года.

Здравствуй, геноцвале!

Сначала о самом главном. Коля Мунтян (помнишь его?), тот самый Коля, что в «Дружбе народов» организовал комсомольско-молодежное механизированное звено, выполнил свое обязательство. На 100 гектарах, где посеяли кукурузу, они собрали по 50 центнеров зерна.

И все же, если ты спросишь, очень ли я рад, отвечу, не задумываясь: нет. Понимаешь: получить по 50 центнеров могут все звенья. Все. А у нас таких только несколько. И знаешь, почему? Не хватило воли, настойчивости. Где-то в организаторской работе ошибка. Ссылки на погоду или нехватку чего-то явно неубедительны. Все дело в том, как работать с людьми.

Тут, геноцвале, вот какое дело. Надо прежде всего иметь авторитет. Я пишу о подлинном авторитете, а не о чести мундира. (Ты-то не заподозришь меня в этом.) Совсем недавно приехал я в один из колхозов, а там как раз наш инструктор. И оказался я свидетелем такого разговора.

— Опять к собранию не подготовились! — распекает инструктор активистов.— Людей не оповестили! Не ведете никакой работы!

А ему в ответ:

— Ты зарплату в райкоме получаешь, ты и организуй...

«Ты и организуй» — это настроение вредное. Это уже чистое иждивенчество. Откуда оно? Не от этого ли, что «ты зарплату в райкоме получаешь»?

В самом деле, укоренились у нас термины «штатный» и «нештатный». Это же, если хорошо вдуматься, чепуха. Ведь работа инструктора — самое настоящее общественное дело. Ты вступил в комсомол. Ты стал бойцом великой армии честных, дерзких, смелых, неугомонных. А разве боец может быть «штатным» или «нештатным»?

Хочу предложить на бюро, чтобы у нас должность инструктора райкома была только общественной. Придет такой активист в организацию, придет после своего рабочего дня, ему уж не скажут: «Ты инструктор, ты работу и организуй».

Дело абсолютно реальное. Ведь сколько у нас замечательных людей выросло! Вспомни хотя бы Галю Шевчук, или Толю Трасковецкого, или Толю Дегтяр. Да разве всех перечислишь! С ними горы свернуть можно. Честное слово.

...Ты спрашивал о моих делах в университете. Выбрал тему диплома. Конечно, о своем районе. О том, как борется он за коммунистическое воспитание молодежи. До защиты остается полгода. А работы еще очень много. Но раз надо, раз решил — значит, осилю.

Будь здоров,

Вахтанг.

11 июля 1959 года.

Друг-дружище!

Не сердись, что долго не писал. Сам понимаешь, что значит лето для сельского райкома.

Я уже рассказывал тебе, что весной комсомольцы нашего района решили надоить от каждой фуражной коровы по 2 500—3 000 литров молока. Дело это выполнимое. Весь вопрос в кормах. Но ты, наверное, помнишь, что у нас уборка урожая и заготовка кормов идут в одно время. Надо поспевать и там и тут. Как быть?

В Дибровке — там секретарем сейчас Митя Сивак — решили заготовку вести после основной работы. Представляешь: ночь, луна, по небу звезды катятся, а дибровцы в поле. Ночами убирали сено. Ночами скирдовали солому. Ночами силосовали.

Ясное дело: почин дибровцев надо было распространить как можно быстрее. Собрали комсомольское собрание в колхозе «Путь к коммунизму». Это в селе Новоселовке. Выступает Рита Лютова и говорит: «Смотрите, как дибровцы заботятся о животноводстве! А мы? Так ведь горячую пору проспать можно». Но нашлись в Новоселовке и скептики: «Много ночью наработаешь?» Рита в ответ: «Поедем в Дибровку, сами посмотрим». Съездили. Посмотрели.

И вот результат — новоселовские комсомольцы организовали у себя «бригаду сильных». По этому поводу мы выпустили печатную листовку-«молнию». Ночные бригады теперь созданы во многих колхозах...

С приветом

Вахтанг.

14 октября 1959 года.

Здравствуй, дорогой!

Хочу начать вот с чего. Задумали мы новое дело: отряды «легкой кавалерии». Это сигнальщики неблагополучия. Это борцы против тунеядцев, стиляг, нерадивых работников. Как-то нагрянули «кавалеристы» на ферму бывшего колхоза имени Буденного. А там не работают автопоилки. Почему? Неисправен водопровод. «Кавалеристы» тут же его отремонтировали.

По ночам они собираются в райкоме. Совещаются о своих делах, намечают планы «операций», готовят выпуск радиогазеты, рисуют сатирические листовки.

Ты читаешь письмо и, небось, смеешься: вот романтики! Да, молодежи обязательно нужна романтика! Она необходима в жизни. Я недавно читал о Фритьофе Нансене. Вот что он говорил: «Романтика вдохновляет людей к познанию, ведет их вперед. Романтика рождает в людях дух отваги, извечное стремление преодолевать трудности на непроторенных путях исканий. Романтика придает силы для путешествия по ту сторону обыденности. Это могучая пружина в человеческой душе, толкающая на великие свершения». Очень это здорово сказано!

Вахтанг.

8 июня 1960 года.

На сей раз пишет тебе твой друг, в кармане которого диплом историка. Защита прошла благополучно. Главное, наши ребята, которым и посвящен диплом, понравились членам комиссии. Значит, сумел я рассказать о них. Этому радуюсь. Думал: получу диплом, со временем станет легче. Не тут-то было! Во-первых, вот-вот уборка. Ловлю себя на том, что знаю о сельском хозяйстве очень мало. Надо читать, читать и читать. Установил себе минимум: сто страниц в сутки. Минимум обязательный. Пока не отступаю от него ни при каких обстоятельствах.

...Не так давно у нас появилась своя мода. Если встречаются двое, то вместо «Здравствуй!» несется: «Привет, братец-кролик!» Кролики сейчас в центре внимания.

Все началось около года назад. Я тебе уже писал, что тогда каждый парень и каждая девушка в нашем районе решили вырастить по 20 кроликов в год. Мясо решили сдавать государству, а на вырученные деньги строить Дворец молодежи.

Приняли решение. Создали штаб кролиководства. Галю Дальчук избрали начальником этого штаба. Но где взять кроликоматок? Подсчитали: их необходимо 10 тысяч штук! 10 тысяч! Ты представляешь, что это значит? У нас в районе и сотни не наберется.

Штаб кролиководства напоминал в те дни штаб фронта, руководящий стремительным наступлением. Главный удар было решено нанести по... начальнику отделения дороги И. С. Чернову. Знали мы, что он любит молодежь, любит ее дела. К нему и направилась делегация: «Дайте вагоны!» Иван Семенович задумался. Потом говорит: «Это невозможно». А ребята свое: «Невозможного нет». Словом, уговорили. Через две недели ночью вдруг тревога: прибыли вагоны. Собрали актив ярых кролиководов, старших школьников. Прибыло 500 кроликов. Для нас это огромное подспорье! В общем, кролики, как говорят, «пошли».

Конечно, это только начало. Теперь пора от индивидуального разведения кроликов переходить к созданию ферм. Экономически это будет очень выгодно. Думаю, мы не станем жалеть, что повозились с кроликами каждый у себя дома. Положено начало большому делу. Так и хочется сказать: «Добрый вам путь, братцы-кролики!»

Вахтанг.

17 сентября 1960 года.

Друг мой!

У нас дома новости. Галя поступила в университет. Экзамены сдала хорошо. За книгами теперь сидим вместе с женой.

Ты как-то был у нас во время вручения комсомольских билетов. Потом, помнишь, ругал меня, что я бюрократ, что больщущий праздник в жизни человека мы превращаем в скучное мероприятие. Ругал ты меня моими же словами, и самые злые были те, что и меня постоянно гложут.

Мы по этому поводу много думали. И вот на днях выдавали мы билеты восьмидесяти ребятам и девушкам. Было так.

Во-первых, украсили наш большой райкомовский зал. Принесли туда цветы. Повесили портреты, транспаранты. И вот торжественно звучит музыка, в зал вносят знамя районной комсомольской организации.

Позвали мы на торжество Сергея Иустиновича Полищука. Он первый комсомолец в здешних местах, бывший секретарь Бирзульского уездного комитета комсомола. Пришел Сергей Иустинович в парадном костюме. Рассказывал об истории нашей комсомольской организации, о ее людях. Речь его была искренней, взволнованной. Она брала за самое сердце.

Затем ребята подходят ко мне, чтобы принять комсомольский билет. У них горящие гла-

ВАХТАНГ ПУРЦХВАНИДЗЕ.

за. Развернутое алое знамя, у древка которого застыл почетный караул, фанфары, речь Полищука — все это вместе создало атмосферу большой торжественности.

Когда новички выходили из райкома, мне показалось, что они уже не те, что пришли сюда два часа назад. Они выглядели старше. А главное, в них появилась какая-то гордость. Я подумал: вот так бы гордо идти им всю жизнь.

Вахтанг.

10 февраля 1961 года.

Здравствуй, геноцвале!

Ты спрашиваешь, что я думаю по поводу январского Пленума ЦК КПСС? Мне кажется, что его материалы и особенно речь Никиты Сергеевича удесятерили мои силы. И не только мои.

Прошли у нас собрания по колхозам. Такой активности комсомольцев я еще никогда не видел. Понимаешь: речь Никиты Сергеевича здесь всех вдохновила. В районе создано 40 комсомольско-молодежных механизированных звеньев. Их курс — быть последователями Блажевского. Их обязательство — собрать по 50—60 центнеров кукурузы с каждого гектара.

Обязательства абсолютно реальные, хотя и не из легких. Но ведь и ребята наши не из тех, кто бежит от трудностей. Ты помнишь Федю Митринюка, нашего лучшего комсомольского секретаря? Так вот, решил Федор сколотить комплексное механизированное звено в колхозе имени Котовского. Желающих работать с ним много. А обязательство у звена — 60 центнеров.

Конечно, фундамент будущего урожая надо закладывать сейчас, ждать нельзя ни дня. Но знаешь, я не помню такой зимы, когда работа кипела бы так, как нынче. Заканчиваем ремонт оборудования, посевного инвентаря. Хотя дороги и развезло донельзя, подтягиваем удобрения поближе к полям.

С нашими звеньевыми занимается и сам Евгений Викторович Блажевский и лучшие в районе агрономы. Сев надо встречать во всеоружии конкретных знаний.

Хоть и говорят «цыплят по осени считают», но вопрос, выполним или не выполним мы свои обязательства, даже нельзя ставить. Обязаны выполнить! Это наш комсомольский долг. Это — поручение комсомолу от партии, от народа. А разве было, чтобы комсомолия не справилась с поручением Родины?

Скоро мы достроим и наш Дворец молодежи. А потом устроим веселый праздник.

Представь себе: по главной улице шагают колонны; в руках у ребят знамена и снопы, цветы и початки. И всюду — песни...

На площади колонны выстроятся, как войска на параде. И вдруг тысячью огней засверкает здание Дворца. Распахнутся его двери, начнется бал.

Не смейся, что я размечтался. Без мечты ведь нельзя.

Сегодня еду по колхозам. Надо быть в самой гуще событий, там, где сегодня решается судьба будущего урожая. Надо работать, работать, работать.

С приветом

Вахтанг.

На службе у обреченного класса

Итальянский ученый Даниэле Петруччи осуществил исключительный эксперимент: ему удалось добиться развития человеческого эмбриона в искусственных условиях. Зародыш человека просуществовал 29 дней.

Смелый опыт вызвал в научном мире целую сенсацию. Но большие открытия порождают порой мрачные идеи, вынашиваемые в интересах наиболее темных и реакционных сил...

Западногерманский журнал «Штерн» не так давно опубликовал статью «Люди по каталогу», претендующую на жанр научной фантастики. Дабы придать своим рассуждениям наукообразный вид, авторы Лебзак и Бэрвольф приводят высказывания ученых, глубокомысленно оперируют данными научных исследований. При этом они весьма настойчиво проводят собственные «идеи».

Начинают они с того, что всю современную медицину объявляют... вредной для человечества. Ибо, сокрушаются авторы, благодаря ей больные люди вылечиваются, продолжают жить, имеют детей и передают будущим поколениям «отрицательные наследственные качества». Отсюда делается вывод: «Медицина лишает эффективности закон природы, который в течение миллионов лет уверенно управлял развитием жизни на земле».

Не прямой ли это призыв к отказу от всех достижений человеческой мысли, возврату к примитивной жизни первобытных людей? Правда, подобного рода «закон природы» в результате своего «уверенного управления» лишил бы жизни миллионы и миллионы людей (которых еще можно было бы спасти благодаря даже самому незначительному вмешательству современной медицины!), но... тем лучше, ведь выживут «избранные»!

Впрочем, авторы не решаются открыто выступить с этими давно разоблаченными «идеями». Они выдвигают новое «оригинальное» решение придуманной ими проблемы: родители, которые могут передать «неблагоприятные качества», должны добровольно отказаться от потомства. Родителей же с «высококачественными наследственными данными» следует обязать произвести «неограниченное число детей».

Каким образом? Очень просто: «Сравнительно простой способ скоро уже позволит соединить зародышевые клетки полноценных мужчин и женщин и ввести их в организм приемной матери для дальнейшего развития».

«Полноценные мужчины и женщины», «высококачественные наследственные данные»... Так ли уж оригинальны «идеи» западногерманских авторов? Не слишком ли явно напоминают они теоретические разглагольствования гитлеровских идеологов о «высшей» и «низшей» расах? Фашистские мракобесы тоже проповедовали расовый отбор путем недопущения «межрасовых» и «нездоровых» браков, путем стерилизации «нежелательных» элементов.

Однако наследники фашистских идеологов не ограничились примерным усвоением расистской теории своих предшественников. Они вознамерились подлатать и двинуть вперед кое-что из «научного» багажа германского фашизма.

Безудержная фантазия подсказывает им действительно фантастические «идеи». Они предлагают создать в будущем «банки с консервированными зародышевыми клетками, наподобие известных банок с консервированной кровью». С помощью этих банок они мечтают осуществить способ консервации определенных наследственных признаков для создания людей заданных качеств, то есть людей по желанию, по предварительному заказу, «по каталогу». Осуществление этих «идей» в странах капитала дало бы господствующему классу возможность создавать целые армии специализированных рабов...

Авторы рисуют фантастическую картину будущего, когда дети будут «производиться не во чреве матери, а в ретортах, размещенных в гигантском 34-этажном инкубаторе», предназначенном для «химической обработки», а также и для «духовного и физического формирования зародышей в соответствии с задачами будущих людей...». С необыкновенным цинизмом авторы описывают «обработку» зародышей двухсот пятидесяти инженеров-пилотов для авиационных ракет. Они откровенно заявляют, что подобным же образом «в соответствии с будущими профессиональными запросами будут создаваться дети-альфа, -бета, -гамма, -дельта и -ипсилон», другими словами, рабы любой специализации.

Когда-то гитлеровские идеологи объявили пролетариат «низшей» расой. Рабочих следует обучать, утверждали они, лишь тому, что необходимо для работы.

Журналисты из «Штерна» переплюнули своих учителей. Они мечтают о «научных» открытиях, которые дали бы возможность господствующему классу создавать целые армии рабов, заказанных «по́ каталогу»: рабов-солдат, рабов-рабочих и даже рабов-ученых...

Авторы «фантастической» статьи, видимо, не случайно упоминают об исследованиях некоторых ученых, которым удается с помощью облучения зачаточных органов у животных получать у новорожденных «по желанию» определенные «уродства», например, кур с двумя головами, со «странными» ногами, с одним глазом, кроликов гигантских размеров.

Как видно, опыты этих ученых они также намерены использовать для создания людей, максимально приспособленных для обслуживания «высшей расы».

Представьте себе людей-чудовищ с непомерно развитыми руками или ногами, обладающих колоссальной физической силой, или с невероятно обостренным слухом, зрением или другим каким-либо чувством, но утративших при этом способность к умственной деятельности, к анализу и обобщениям. Или, напротив, выродков с необыкновенно развитым мозгом и атрофированными органами чувств. Эти недочеловеки будут выполнять отдельные, строго определенные функции по обслуживанию «высшей расы». Их можно будет поставить к станку, поручить им управление сложнейшими механизмами, в том числе самолетами и ракетами, заставить решать сложнейшие задачи.

Люди — живые приставки к сложным машинам, безропотно выполняющие чуть ли не в течение круглых суток бесконечное число самых простых операций... Человекоподобные приспособления к смертоносному оружию, умеющие стрелять, убивать, уничтожать... Бездушные пилоты, направляющие снаряды прямо в цель и погибающие при взрыве... Рабы-чудовища, послушные, как дети, и беспощадные, как лютые звери...

Мрачная, зловещая фантастика. Фантастика, порожденная больным воображением.

С помощью обновленных расистских «идей» западногерманские журналисты предлагают в будущем заменить рабочий класс послушными рабами, а армию — бездушными автоматами. Безнадежные попытки спасения обреченного класса. Авторы из кожи лезут вон, чтобы выслужиться перед хозяевами.

А. РАЧКОВ

СПАРТАКИАДА МИЛЛИОНОВ

Фото В. Тюккеля.

Весна — пора районных и городских соревнований спартакиады по техническим видам спорта. Период самых массовых и, пожалуй, самых интересных стартов спортсменов — летчиков, планеристов, парашютистов, автомобилистов, мотоциклистов... Насколько массовыми будут эти старты, можно судить по тому, что уже в 1960 году в состязаниях спартакиады приняло участие 7,5 миллиона человек.

Второй год шагает по стране Всесоюзная техническая спартакиада. Уже сейчас можно смело сказать, что большинство местных комсомольских организаций и комитетов ДОСААФ успешно справились с проведением сложных состязаний. Так, в Белоруссии в соревнованиях выступила почти треть членов республиканской организации ДОСААФ. В Мордовской АССР на старты вышла чуть ли не половина досаафовцев. А вот еще одна весьма любопытная цифра. В ходе спартакиады состоялось более 6 тысяч автомобильных соревнований с участием свыше 100 тысяч водителей!

Да, это действительно спартакиада миллионов. Тем более странно, что есть области, в которых соревнования спартакиады оказались проваленными. В первичных организациях Алтайского края, Калмыцкой АССР, Калужской, Камчатской, Новгородской и Томской областей не проведено ни одного соревнования по автоспорту. А в Курской области дело обстояло еще хуже: здесь за весь 1960 год не состоялось ни единого состязания ни по автомобильному, ни по мотоциклетному, ни по радио-, ни по водномоторному, ни по подводному, ни по авиамодельному спорту...

К счастью, таких областей единицы. В большинстве же спартакиада идет полным ходом. Она приносит блестящие результаты, способствует широкому развитию технических видов спорта в нашей стране.

Добавим еще, что группа ведущих спортсменов страны выступила с предложением вести учет рекордов, установленных в ходе спартакиады по техническим видам спорта. Счет рекордам уже открыт. Он растет с каждым соревнованием.

На публикуемом нами снимке вы видите момент интереснейших соревнований по мотоциклетному спорту. Мотоспорт очень популярен среди советской молодежи. Это спорт отважных, спорт умелых, спорт изобретательных.

КЛУБ ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТАНОВ

Напоминаем читателям «Смены», что в нашем «Клубе знаменитых капитанов» выступают капитаны сборных команд Советского Союза по различным видам спорта...

Сегодня мы предоставляем слово первому капитану сборной страны по футболу Михаилу Бутусову. 16 ноября 1924 года состоялся первый матч сборной футбольной команды СССР. В тот день честь вывести на зеленое поле стадиона нашу команду была предоставлена Бутусову.

Михаил Бутусов был одним из самых результативных нападающих прошлого. Любопытно, что в первом матче нашей сборной он забил два гола из трех. На следующий год во время турне сборной СССР по Турции Бутусов забил шесть мячей за четыре матча. Вот как характеризовала Бутусова газета «Красный спорт» в своем экстренном выпуске от 7 июня 1925 года (посвященном поездке нашей команды в Турцию): «Бутусов — игрок выдающегося класса, соединяющий в своем лице неудержимый напор, быстрый бег и в то же время блестящую технику владения мячом, в особенности удара по воротам. Бутусов является основным завершающим игроком нападения нашей команды...»

Сейчас Михаилу Павловичу Бутусову более шестидесяти лет. Он живет в Ленинграде и ведет большую общественную работу по футболу. Он до сих пор всего себя отдает любимой игре.

Итак, слово заслуженному мастеру спорта Михаилу Бутусову—одному из самых замечательных футболистов прошлого...

Путешествие в прошлое

Нынешний футбольный сезон знаменателен во многих отношениях. И прежде всего тем, что это сезон отборочных встреч очередного чемпионата мира. «Билеты в Сант-Яго» — такова ныне цель всех сильнейших футболистов мира. Чтобы завоевать эти «билеты», нашей сборной в самое ближайшее время предстоит скрестить оружие с опытными командами Турции и Норвегии.

Футболисты Турции и Норвегии...

Когда я думаю об этих командах, мне невольно вспоминается далекое прошлое. Ведь эти же команды были нашими соперниками и в годы первых международных встреч советских футболистов. В те годы, когда мы только начинали создавать советскую школу футбола.

Вот об этих первых международных встречах наших футболистов мне и хочется рассказать читателям журнала «Смена». Тогда встречи эти были не менее знаменательны, чем для нынешнего времени игры чемпионата мира. В них мы впервые испытали свои силы, осознали, чего достиг футбол за годы Советской власти.

Итак, совершим небольшое путешествие в прошлое...

* * *

1923 год. Он вошел в историю нашего спорта как год выхода советских футболистов на широкую международную спортивную арену. Именно в тот год состоялась триумфальная поездка сборной команды РСФСР по Скандинавии.

...Я помню, нас встретили недружелюбно. «Приехали не футболисты, а красные агитаторы,— писали газеты.— Русские не умеют играть в футбол... Одиннадцать лет назад они проиграли на Королевском стадионе со счетом 16 : 0...»

Действительно, у всех был еще в памяти разгромный проигрыш сборной России на Олимпиаде 1912 года в Стокгольме. И буржуазные писаки использовали это, откровенно натравливая на нас зрителей.

Нет нужды восстанавливать сейчас все детали наших выступлений. Безусловно, мы нервничали. Особенно перед первым матчем. Да и сам матч сложился очень тяжело. Мы играли именно на том самом невезучем Королевском стадионе со сборной Стокгольма. И проиграли вчистую первый тайм — 1 : 4. Это был разгром. И все же в перерыве, прежде чем снова выйти на поле, мой друг Георгий Гостев сказал:

— Послушай, Миша, попробуй ударить пару разочков издали. Ты же умеешь это делать!..

И вот мы стали бить издали... Игра сразу переменилась. Паша Канунников отквитал один мяч. Затем я забил третий гол. Петр Исаков сделал счет ничейным. Наконец мне удалось вывести нашу команду вперед. Что творилось на стадионе, невозможно описать! Зрители восторженно приветствовали каждую нашу удачу. Лишь перед самым концом встречи шведам с трудом удалось уйти от поражения и добиться ничейного счета — 5 : 5.

После этого газеты окрестили нас «хитрой командой». «В первом тайме русские узнают противника, зато во втором играют»,— так написал один из обозревателей. И, как это ни странно, он был прав! Не зная ни одного из своих соперников, мы вынуждены были знакомиться с ними прямо на поле. Потом уже, нащупав слабые места, наносили решающий удар. Был даже такой случай. В Гетеборге первый тайм проиграли — 0 : 3. Зато во второй половине матча счет стал в нашу пользу — 4 : 3.

Мы провели тогда в Скандинавии в общей сложности 14 матчей за 27 дней. Из них 11 были выиграны и 3 закончились вничью. Общий счет — 55 : 20.

Но, конечно же, больше всех запомнились нам матчи с национальными сборными командами Швеции и Норвегии. Обе встречи мы выиграли (хотя по традиции в обоих случаях проиграли первые таймы). Норвежцы продемонстрировали высокую технику, но мы сломили их темпом и на редкость дружной игрой (счет был 3 : 2). В состязании со шведами победа оказалась в полном смысле слова двойной.

Началось с того, что мы заставили хозяев вывесить над трибунами советский флаг. Именно заставили! Перед тем как выйти на поле, попросили к себе администрацию стадиона. Произошел такой разговор:

— Скажите, пожалуйста, кто сегодня у вас играет?

— Вы же знаете: команды Швеции и СССР.

— А почему над стадионом развевается один шведский флаг?

— Извините, но у нас нет советского флага.

— Не беда. Есть у нас. Вот вам флаг. Будьте любезны вывесить его рядом со шведским.

— Что вы, это невозможно! Сегодня воскресенье... Мы не можем спросить согласия мэра города... А без его разрешения вывесить флаг нельзя...

В конце концов мы взяли верх. Отказались выйти на поле, если советский флаг не будет вывешен рядом со шведским. Хозяева долго сопротивлялись. На целых 15 минут было задержано начало матча. Потом администрация сдалась.

Мы вышли на стадион в тот самый момент, когда впервые над буржуазным стадионом в небо взвилось алое полотнище советского флага. И играли мы в тот день с удвоенными силами. Матч окончился со счетом 2 : 1 в нашу пользу. Судья этой встречи — не помню точно его фамилию — был до наглости пристрастен. Он не засчитал еще два гола, забитых в ворота шведов. Через день мы прочитали в газетах официальное решение шведского футбольного союза: за необъективное судейство этот судья был дисквалифицирован. Там же писалось: «Если быть до конца справедливым, счет матча следует считать не 2:1, а 4:1...»

* * *

Не менее интересно проходили матчи и с турецкими футболистами. 1924—1936 годы. Таков, образно говоря, диапазон этих встреч. За 12 лет их было 39. Из них большинство — 26 встреч — выиграли советские футболисты. Соотношение мячей 109 : 57 в пользу наших команд. Я расскажу лишь об отдельных эпизодах этих состязаний. О тех эпизодах, которые особенно запечатлелись в моей памяти.

...Разумеется, подход к футболу в двадцатых годах был иным, чем теперь. Даже к самым ответственным встречам мы готовились сравнительно недолго. А иногда проводили их вообще без всякой подготовки. Так, в частности, было и при первой встрече сборной СССР с турецкой командой, которая состоялась в ноябре 1924 года в Москве.

Это был первый официальный матч сборной команды Советского Союза. Поэтому о нем я расскажу поподробнее. Замечу еще, что турки в то время считались сильными футболистами. Они котировались как одна из лучших команд Европы.

Прежде мы ни разу не видели своего противника. И, по существу, не готовились к встрече с ним. Правда, отдельные звенья в нашей сборной были сыграны хорошо. Так, правое крыло — целиком ленинградское: край — П. Григорьев, полузащитник — П. Филиппов, инсайд — я. Левое крыло впервые выступило за сборную: полусредний А. Шпаковский из Харькова и край А. Шапошников из Орехово-Зуева. Но зато им был хорошо знаком полузащитник И. Привалов (он был тоже из Харькова). Что касается центр-форварда, то тут играл «профессор». Так называли мы П. Исакова, который необычайно тонко разбирался в игре и в качествах любого футболиста. Защитники тоже отлично знали друг друга. М. Рущинский, П. Ежов, Ф. Селин да и вратарь Н. Соколов

уже много раз выступали в одной команде.

Так что сам состав сборной во многом сглаживал отсутствие подготовки к матчу с турками.

Погода была ужасной. Выпал снег. Ударил морозец. Кое-кто из нас надел свитер. Непривычные к холоду турки даже закутались шарфами.

Но сама игра оказалась боевой. У турок очень сильная защита. Нам пришлось немало потрудиться. Любопытно, что в то время команды играли по системе, которую можно назвать с передним и задним защитником. Объяснялось это тем, что положение «вне игры» фиксировалось не по двум игрокам (как теперь), а по трем. Защитники имели большое преимущество перед нападающими. Один из них находился всегда глубоко сзади, а подходить к нему было нельзя: ты сразу оказывался «вне игры». Против этого у меня был разработан свой тактический прием. Получив мяч, я устремлялся на место левого инсайда — как раз между центром полузащиты и передним защитником — и оттуда немедленно бил по голу. Метров с 18—20. Положения «вне игры» быть не могло. А удар был у меня отработан, что говорится, четко. Именно так я и забил туркам второй гол. Весь же матч мы выиграли со счетом 3 : 0. Победа была полной!

После этого прошел год, и наша сборная отправилась в турне по Турции. Да, чуть не забыл одно любопытное обстоятельство. Перед поездкой мы провели три матча в Одессе. И первый из них сильно нашумел. Он закончился вничью — 0 : 0. Одесситы так превосходно ставили нам искусственное положение «вне игры», что мы оказались против них просто бессильны. 46 раз фиксировал судья «вне игры»! И не зафиксировал ни одного гола...

В Одессе тогда поднялся большой шум. Многие заверяли, что сборную необходимо «усилить» одесскими игроками: иначе не жди побед в Турции! Одесситы вообще любители шуток. И они начали нас разыгрывать. В гостиницу ко всем по очереди звонил один и тот же голос, такой ехидный, дразнящий, кстати, как две капли воды похожий на голос одесского защитника Жука:

— Ну что вы скажете об одесской защите?.. Как вы себя чувствуете?.. Готовитесь к Ватерлоо во втором матче?.. Эх вы! Поучились бы играть у Одессы!..

Однако во втором матче с одесситами мы выиграли — 4 : 1, а в третьем — 6 : 0. И звонки сразу прекратились.

Как бы то ни было, а мы были благодарны одесситам. Они преподали нам хороший урок. Мы научились уходить от искусственно создаваемого положения «вне игры», и это очень помогло в поездке по Турции.

Что сказать о Турции? Встречали нас всюду очень тепло. И играли мы хорошо! Выиграли первый матч в Анкаре — 6 : 1. Затем чуть было не проиграли сборной Турции. Тут стоит сказать несколько приятных слов в адрес турецких спортивных руководителей.

Матч складывался крайне тяжело. Судил турецкий судья. А одним из боковых судей был сам президент турецкой ассоциации судей. Мы проигрывали — 0 : 1. И тут мяч второй раз влетел в наши ворота. Судья решительно показал на центр. Но ведь было «вне игры»! Явное, очевидное всем «вне игры»! Мы заволновались. Неужели и здесь нас будут «засуживать» так же, как в Скандинавии? Нет! Президент судейской ассоциации вмешался в спор. Он взял мяч и поставил его на то место, где было «вне игры». И мы сразу успокоились, заиграли увереннее, четче! Заменивший во втором тайме центрального нападающего П. Исакова Ф. Селин сравнял счет. Затем мне снова удался мой коронный проход на место левого инсайда — и мы победили с результатом 2 : 1. Трудная, но очень важная победа!

В тот же вечер на приеме, устроенном в нашу честь, мы согласились в последнем нашем матче снова сыграть со сборной Турции (запланирована была встреча с клубной командой). Этот последний матч закончился довольно неприятным инцидентом.

Нет, турки не могли добиться перевеса в игре. Мы победили тогда со счетом 3 : 0. Однако наши соперники стали открыто грубить. В их команде был некто Нихат, известный не только как футболист, но и как сильный боксер. И вот он бросился на штурм наших ворот. Во время одной из атак он коротким ударом кулака нокаутировал вратаря Норова. Судивший матч наш судья И. Савостьянов так растерялся, что даже не удалил хулигана. На стадионе поднялся необычайный шум, не стихавший до конца поединка.

Едва закончилась встреча, на поле выбежали зрители, размахивая кулаками. Что делать?! Мы моментально собрались в кучу. Зрители окружили нас, но не трогали...

Мы прошли в раздевалку. И только тут нам все объяснили. Оказывается, на стадионе находилось много русских, которые были угнаны из родной страны Деникиным. Они возвращались на Родину. Ждали попутного парохода в Константинополе и, разумеется, все решили пойти на матч «своих». Видя, как грубят турки, и опасаясь расправы с нами после игры, наши русские люди выбежали на поле, чтобы в случае необходимости вступиться за советских футболистов.

Позже турецкое правительство принесло нам официальное извинение за грубые действия своих футболистов.

Из остальных встреч с турками мне особенно запомнилась одна, состоявшаяся во время нашей второй поездки в Турцию в 1932 году. Наверное, потому, что я в тот раз был зрителем. В первом матче против сборной Турции я получил травму и следующий — снова со сборной — мне пришлось провести на трибуне.

А что это был за матч! Я убедился тогда, что зрителям приходится порой переживать гораздо больше, чем игрокам. Футболисты в пылу борьбы многого не замечают. Зритель же видит все. Все понимает. И нервничает куда сильнее.

Турки в тот раз снова вели в счете. У нас на левом краю играл В. Прокофьев. Он блестяще проходил защиту. Все время создавал голевые ситуации. А завершить атаку не мог! То удар мимо ворот, то неточный пас... Все вхолостую. Да вдобавок еще с поля был удален К. Фомин. Играли вдесятером против одиннадцати.

Но и тут выстояла наша сборная! Прекрасно сыграл центр полузащиты Андрей Старостин, работавший в обороне за двоих. Он сумел тогда отстоять наши ворота. А в нападении отлично дебютировал тогда еще молодой С. Ильин. Заменив Прокофьева, он сразу забил гол, а потом помог забить решающий мяч В. Павлову. И снова победа осталась за нами!..

* * *

Перебирая сейчас в памяти все перипетии нашей спортивной борьбы, я с теплотой вспоминаю наш дружный, сплоченный футбольный коллектив, своих товарищей по команде.

Не скрою, порой мы были менее опытны, чем наши соперники. Но мы на ходу учились у тех, кого побеждали. Например, турки впервые показали нам превосходное умение пользоваться обманными движениями. Ими в совершенстве владели их левые крайние: сначала Ребия, потом Фикрет. Показательно, что и у нас первым мастером «финта» стал тоже левый край — Сергей Ильин. Он быстро освоил турецкий опыт и сам преподнес им наглядный урок превосходных обманных движений.

Что же вело нас к успехам?

Прежде всего дружба и спайка нашего коллектива. Всюду, где мы ни бывали, мы руководствовались принципом: «Один — за всех, все — за одного». И это выручало нас в самых, казалось бы, критических ситуациях.

Мы были дружны не только на поле, но и в жизни. Нас объединяли и общность интересов и единство цели. Посмотрели бы вы, с каким восторгом приветствовали нас зарубежные зрители после того, как мы устраивали концерты художественной самодеятельности! Мы пели и танцевали. Пели и хором и дуэтами. Были у нас и свои солисты — хорошие певцы С. Бухтеев, И. Привалов, П. Батырев, Н. Соколов...

А на футбольном поле?.. С особой благодарностью вспоминаю я своих земляков П. Григорьева, П. Филиппова, П. Батырева. Играть с ними было приятно. Они мягко и точно отдавали мяч, так что легко было бить с лета. Они умели моментально использовать любую ошибку противника и провести быструю и результативную атаку. Незабываема также игра такого мастера, как П. Исаков, который был тонким стратегом и талантливым организатором атак. Запечатлелось в памяти и высокое мастерство В. Павлова, готового в любой момент сделать молниеносный рывок и провести неотразимый удар по воротам. И, конечно, больше всего я признателен своему коллеге и напарнику П. Дементьеву — самому техничному и самому виртуозному футболисту моего времени. Он, как никто другой, умел вывести меня на прорыв. Ему я обязан очень многими забитыми мною голами...

Да, нам всегда помогала спаянность всех игроков коллектива. Такой же дружбы — беззаветной и преданной — хочется пожелать и игрокам нынешней сборной. Если будет такая дружба, придут и успехи! Я уверен, тогда наши футболисты не только завоюют «билеты в Сант-Яго», но и там станут самыми серьезными претендентами на титул мирового чемпиона...

Мы же, старые футболисты, от души желаем, чтобы «Кубок золотой богини» получил прописку в Советском Союзе.

Евг. ИЛЬИН

От края до края

Из азбуки болельщика

А

«А». Так высший класс
в футболе
Именуется у нас,
Но и в классе «А» на поле
Не всегда высокий класс.

Б

БЕГ. Движение в футболе.
Но бывает, сгоряча
Нападающий на поле
Убегает... от мяча.

В

ВОЛЯ. Действовать отважно
Помогает игрокам,
Но при этом очень важно
Воли не давать рукам.

Г

ГИБКОСТЬ. Нами, несомненно,
Не освоена сполна:
Кроме гибкости спортсмена,
Гибкость в тактике нужна.

Д

ДОЖДЬ. Коварный спутник
лета,
Лучше всех умеет он
В день футбола без билета
Проникать на стадион.

Ж

ЖРЕБИЙ. Он команды сводит.
Но когда футбол такой,
Что от скуки скулы сводит,—
Зритель, жалок жребий твой!

И

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. Это
Качество не всем дано,
Быть должно и у поэта
И у форварда оно.

Л

ЛОКОТЬ. Страшное орудье —
Мне приятель справку дал:
Он не раз спиной и грудью
«Чувство локтя» испытал.

П

ПОЛЕ. Место состязаний.
По углам торчат флажки.
Может стать и «полем брани»,
Коль бранятся игроки.

Р

РАДИО. По данным новым,
Что один доцент нашел,
Изобретено Поповым,
Чтоб транслировать футбол.

У

УГОЛ. Каждый понимает:
Самый лучший угол тот,
Под которым мяч влетает
В угол «вражеских» ворот!

Ц

ЦЕЛЬ. Победа — цель сраженья,
Но, чтоб вдруг не сесть
на мель,
Помни, мастер нападенья,
Что ворота — тоже цель.

Ч

ЧЕМОДАН. В движенье скором
Служит складом для вещей.
Футболистам-гастролерам
Чемодан всего нужней.

Ю

ЮГ. На стадионе «югом»
Назван южный полукруг,
Даже за Полярным кругом
Есть футбольный знойный
«юг»!

Я

ЯКОРЬ. Якоря бросают
В порт прибывшие суда.
Футболисты же мечтают
«Бросить якорь» в классе «А».

АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

ПРИШЕЛЬЦЫ ИЗ КОСМОСА

/ИЗ ЦИКЛА РАССКАЗОВ В КАЮТ-КОМПАНИИ/

(Продолжение. Начало см. в № 8)

— В нынешнем Ливане, в горах Антиливана, близ города Баальбека,— говорил аспирант,— существует знаменитая Баальбекская терраса, сложенная из исполинских каменных плит весом свыше тысячи тонн каждая. Эти плиты подняты из древней каменоломни, где до наших дней сохранилась одна, не отделенная от скалистого массива плита. Поднимать их приходилось на возвышенность в сотни метров и там еще на семь метров в самом сооружении (фото 7).

Баальбекская терраса относится к глубочайшей древности. Ее назначение загадочно. Храм Юпитера был построен на ней, по-видимому, много позднее. И совсем трудно объяснить, с помощью каких технических средств была сооружена Баальбекская терраса. Ведь даже современными подъемными средствами не поднять на гору тысячетонные плиты. Каменные блоки для египетских пирамид весили в пятьдесят раз меньше, и, казалось бы, не было никакой нужды заменять их плитами весом с хороший дом.

И тогда я вспомнил, что доцент А. А. Агрест во время нашей с ним встречи высказал предположение: не является ли Баальбекская терраса памятником неведомой мощи звездных пришельцев? Может быть, внутри, под защитой исполинских плит, кроются тайники, предназначенные для зрелого человечества, которое догадается о назначении циклопического памятника и получит наследие от тех, кто тысячелетия назад посетил еще населенную варварскими племенами Землю...

— Да полно! Как можно об этом всерьез говорить? — вмешался капитан.— Кто видел на Земле звездных пришельцев? Как можно доказать, что их когда-нибудь кто-нибудь видел?

Аспирант как-то загадочно улыбнулся и стал раскладывать на столе новые фотографии...

— Перед началом второй мировой войны французский офицер Бренан,— сказал аспирант,— пересекая Сахару, наткнулся на удивительное нагромождение скал. Это были скалы Сефара, походившие издали на руины города с пересекающимися улицами и переулками (фото 8).

Приблизившись, он увидел, что это капризы ветров проложили ущелья среди скал. Проникнув в эти бесчисленные ущелья, полковник Бренан был поражен обнаруженной там наскальной живописью, очевидно, очень древнего происхождения.

Открытие Бренана вызвало огромный интерес во Франции. Но началась война, и искусствоведы не смогли организовать экспедицию в Сахару.

Лишь после войны профессору Анри Лооту удалось отправиться в Сахару в скалы Сефара и сделать там поразительное открытие. Он обнаружил природный музей древнейшего искусства, бесценную его сокровищницу. Скалы были испещрены рисунками редкой художественной силы (фото 9 и 10). Достаточно взглянуть на четырех «богинь» или на «собеседниц». Сколько выразительности, сколько грации в скупом начертании фигур! И, наконец, какая точность и динамика в изображении животных (фото 11)!

Древние художники принадлежали к племенам, тысячелетия назад населявшим цветущий в то время край — Сахару.

Анри Лоот обнаружил, что рисунки наслаиваются «по эпохам». Более поздние нарисованы на месте самых древних.

И вот эти-то самые древние, по словам нашего аспиранта, представляют для нас особый интерес.

Профессор Анри Лоот относит их к шестому — восьмому тысячелетию до нашей эры. Он объединяет рисунки того времени общим названием «периода круглоголовых».

Почему «круглоголовых»?

Да потому, что двуногие, прямостоящие существа на этих рисунках, напоминающие людей, изображены все...

...в КРУГЛЫХ ШЛЕМАХ!..

Особенно поражает гигантский наскальный рисунок размером в шесть метров (фото 12).

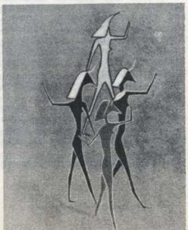
— Когда я показал этот рисунок известному полярному летчику штурману Аккуратову,— вспомнил наш рассказчик,— он воскликнул: «Ведь это так похоже на мой скафандр, который на меня напяливают перед высотным полетом! И шлем совсем такой же...»

Да, похоже, что это скафандр! Профессор Анри Лоот назвал этот рисунок «Великим богом марсиан из Джаббарена». Ущелье Джаббарена, где найден этот рисунок, в переводе с местного языка означает «Ущелье исполинов»

7

8

9



10

11

Он говорит, что именно такими мы представили бы себе сейчас марсиан или других космических пришельцев.

Какая фантазия древнего художника могла породить это странное изображение?

— Марксизм учит, что ФАНТАЗИЯ ОТТАЛКИВАЕТСЯ ТОЛЬКО ОТ ОПЫТА,— солидно заметил профессор-философ, до сих пор молча слушавший.— Художник не мог выдумать ничего, что не видел хотя бы по частям.

— Но, может быть, это обрядовое одеяние жреца? — предположил капитан.

— Всмотримся в рисунок,— продолжал аспирант.— Штурман Аккуратов обратил мое внимание на крепление шлема. Ниже два отверстия. Так изобразил старательный художник, очевидно, отверстия для глаз в перспективе. Еще ниже — горизонтальные складки герметического воротника. И дальше — вертикальные складки свободной, вероятно, непроницаемой одежды.

Но самое интересное, пожалуй, то, что это не единственное изображение, их множество (фото 13 и 14)!

Аспирант показал нам их, листая книгу Лоота [1].

На последней фотографии нас поразило, что над шлемами одетых в скафандры существ видны какие-то решетчатые сооружения, которые напоминают... направленные антенны!..

— Это уже свидетельства, пришедшие к нам через тысячелетия, портреты неведомых существ. Мы можем рассматривать их, спорить, строить догадки, но никак не отмахиваться от них.

— Это все? — спросил я.— Неужели только в Сахаре остались изображения, похожие на «пришельцев»? Ведь они посетили Землю, когда у человека уже было искусство.

Аспирант был готов к этому вопросу.

— Обратимся к другой стране, к иным памятникам.

В Ленинградском Эрмитаже хранятся бесценные этрусские камеи. С поразительным искусством вырезаны на них реалистические изображения людей.

Он показал фотографии камей (фото 15). Мы поразились, увидев не только великолепную работу, но и будто бы современное изображение водолаза, то есть «существа в скафандре»!

А ведь камея сделана несколько тысяч лет назад. Не перекликается ли эта камея с наскальными рисунками в Сахаре?

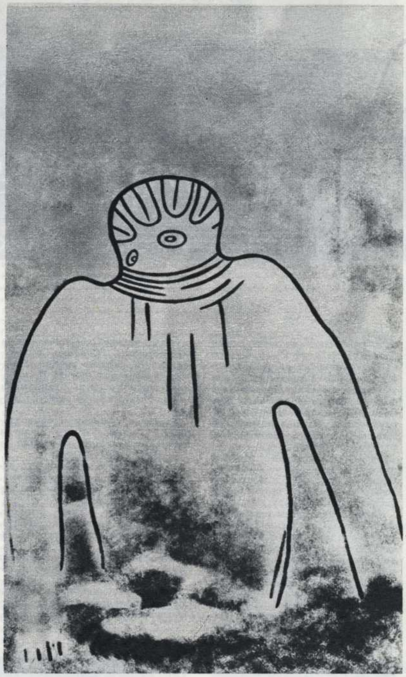
А вот еще одна камея (фото 16). На ней изображен старинный корабль, какая-то галера, но...

— Обратите внимание. Весел нет! Рисунку лишь приданы знакомые художнику очертания корабля.

Вместо весел сзади корабля нанесены какие-то лучи.

— Уж не реактивный ли корабль так представил себе художник, знавший о прилете пришельцев?

— Кстати, предания о таких прилетах и очень толковое описание летательного аппарата существуют в совсем другой части земного шара, в древних индийских рукописях,— сказал аспирант и прочитал нам такое описание полностью:



12

13

14

«...Посредине корабля тяжелый металлический ящик является источником силы. От этого ящика «сила» шла в два больших подвижных цилиндра, помещенных на противоположных концах корабля. Кроме того, «сила» шла в восемь цилиндров, прикрепленных спереди и сзади этих основных. Они имели два ряда отверстий, направленных вертикально сверху вниз.

В начале путешествия приводились в действие задвижки восьми цилиндров. Они открывали отверстия, направленные вниз, а верхние оставались закрытыми. В этот момент «ток» с силой выходил и ударялся о землю, что приводило к подъему корабля вверх.

Когда достигали нужной высоты, до половины закрывали нижние отверстия, чтобы можно было удержать высоту. Тогда большую часть «тока» направляли в один из главных цилиндров, в тот, который находился сзади корабля. Корабль двигался от толчков, вызываемых освобождением силы...»

Требуются ли комментарии?

На основе этого древнего описания современный художник изобразил этот летательный аппарат (фото 17) (журнал «Горизонты техники», Польша, № 5, 1958).

Аспирант вспомнил, что в других индийских преданиях говорится о том, что пришельцы с небес научили древних людей ковать железо.

— Потому и привлекает наше особое внимание знаменитая «железная колонна», более полутора тысяч лет стоящая близ старинной башни Кутб Минар, в Дели (фото 18).

Это — поистине удивительное сооружение, равного которому нет среди памятников материальной культуры. Высотой в восемь метров, толщиной «в обхват». Есть даже наивное поверье: у того, кто встанет к колонне спиной и сведет за ней руки, исполнится заветное желание...

Вес колонны — двенадцать тонн.

Древнее металлическое изделие недаром овеяно легендой, оно обладает чудеснейшим, редчайшим свойством: железо не ржавеет!

А ведь любое другое железо за полторы тысячи лет превратилось бы в прах.

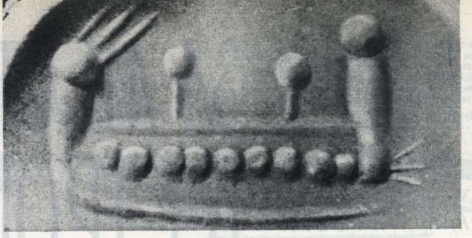
— В чем же дело? — спросила учительница.

Объяснение дал металлург, оказавшийся среди слушателей: древние мастера сумели создать химически идеально чистое железо, которое трудно получить даже в современных электрических печах. Атомы такого железа, соединяясь с кислородом, создают антикоррозийную пленку, предохраняющую металл от окисления.

Но как могли люди древности сварить такой металл? Как сумели выковать такую исполинскую деталь, для которой ныне использовали бы могучие гидравлические прессы? Ведь ничего похожего не найдено больше нигде!

Может быть, и в самом деле есть связь между древнеиндийским описанием реактивного летательного аппарата и... нержавеющей колонной из химически чистого железа. Не использовали ли древние индийцы для декоративной поковки металл с совершенной конфигурацией, полученный на другой планете и служивший какой-нибудь деталью

[1] Анри Лоот «Фрески Тассили».



16

15

17

18

звездолета? Ведь предположение, что древние выковали колонну из железного метеорита, не выдерживает критики, так как метеоритное железо всегда содержит около семи процентов никеля, не говоря уже о других примесях.

Аспирант складывал свои книги и фотографии.

Итак, уже сегодня, едва заинтересовавшись волнующим вопросом, мы можем разглядывать отпечаток в песчанике, который напоминает след обуви, изучать обработанные металлическим инструментом кости или стальной параллелепипед, тоже обработанный. Мы можем размышлять по поводу неземного календаря на Воротах Солнца или о загадочных знаках в Андах. Нас поражают химический состав индийской колонны, выкованной полторы тысячи лет назад, и техническое описание древними «реактивного корабля». Но особенное впечатление произвели, по крайней мере на меня, наскальные рисунки в Сахаре, с которых смотрят неведомые «существа в скафандрах», быть может, тысячелетия назад посетившие Землю.

Аспирант говорил:

— Их гигантский звездолет мог прилететь к Земле, встать на «космическом рейде», то есть превратиться в ее искусственного спутника, посылая на открытую планету малые корабли, выполняющие роль космических шлюпок. Естественно предположить, что эти «космические шлюпки» с исследователями в скафандрах посетили населенную зону Земли.

И может быть, это они побывали в Южной Америке, где древние инки переняли у них столь поразившие испанских конквистадоров принципы устройства общества, которые так близки и понятны теперь нам. Не они ли оставили на Воротах Солнца в память о своем пребывании календарь далекой планеты, своего неведомого солнца? Не они ли, рассчитывая, что им на смену прилетят когда-нибудь другие исследователи, оставили для них посадочные знаки в пустыне Анд?

Возможно, гости из космоса побывали и в населенной тогда, цветущей Сахаре. Древние художники запечатлели их образы на скалах Сефара. Обнаружили они древние племена людей и в районе Мертвого моря, где соорудили циклопическую террасу, что по силам было только исполинам техники. И кто знает, может быть, в глубине Баальбекской террасы действительно заключено «завещание звездных пришельцев». Предвидя развитие человеческого общества, появление цивилизации, звездные пришельцы могли рассчитывать, что в определенный момент их знания могут быть поняты людьми, станут полезными для них... Может быть, там были ключи к овладению ядерной энергией, к завоеванию космоса, к победе над гравитацией... Не знаю, достаточной ли защитной броней были для этих опасных тайн тысячетонные плиты Баальбека. Может быть, под ними кроется лишь указание людям Земли, что подлинное завещание человеческой цивилизации оставлено, скажем, на обратной стороне Луны и люди смогут им воспользоваться, лишь достигнув такого развития, когда вступят своими силами в космос, сумеют долететь до Луны, когда самосознание их общества будет столь высоко, что исключит использование силы атомного ядра и других тайн знания для убийств себе подобных...

Мы позволили себе тогда на «Победе» помечтать. Но мечта эта не исключает, а лишь способствует исследованиям. А ведь только исследования могут сказать новое решающее слово науки в бесстрашно поднятом Джордано Бруно вопросе.

Но не только далекая история может сказать свое слово. Есть современное явление, научная разгадка которого может стать ключом ко всей цепи загадок, связанных с возможным посещением Земли пришельцами из иных миров.

— Ключ этот — в разгадке тайны тунгусской катастрофы 1908 года,— сказал аспирант, глядя в мою сторону.

Все зашумели. Они ведь знали мой давний грех по части тунгусского метеорита.

Теперь рассказывать заставили меня. Все хотели знать самое последнее, самое достоверное, но... Я ведь не мог быть беспристрастным!

(Окончание следует.)

ЗА МЕСТО В СТРОЮ

АЛЛА КИРЕЕВА

Три товарища окончили институт. Три товарища стали работать. Они впервые столкнулись с настоящей жизнью, ее трудностями, сложностями, впервые ощутили радость труда и вдохновение творчества.

О трех друзьях, наших молодых современниках, рассказывает первая повесть Василия Аксенова «Коллеги» («Юность» №№ 6 и 7 за 1960 год). Повесть прозвучала свежо и современно. Видимо, получилось это потому, что в обычных и необычных ситуациях, описанных Аксеновым, действуют живые люди, близкие автору своим страстным, требовательным отношением к жизни. «Коллеги» насыщены большим раздумьем о советской молодежи наших дней.

Повесть автобиографична. Василий Аксенов, начинающий врач, после распределения работал в Ленинградском порту. Его однокашники, как и он, мечтали, много спорили, думали о будущем...

Широк масштаб проблем, поднятых в «Коллегах». «Место в рабочем строю», творчество и приспособленчество, целеустремленность и сомнения, большая любовь, непримиримость ко злу, великое значение труда — всем этим проблемам посвящено произведение молодого литератора. И несмотря на всю сложность задачи, стоявшей перед Аксеновым, он сумел объективно, в лучшем понимании этого слова, без позы и прикрас сказать не только о несомненных достоинствах поколения, вступившего в самостоятельную жизнь в середине 50-х годов, но и о недостатках, свойственных молодым людям. Главный из них, по мнению автора,— очень приблизительное знание жизни. Вот как думал о деревне один из главных героев: «Он считал сельской местностью дачный поселок Комарово. Два или три выезда «на картошку» не открыли ему лица деревни. Очень уж было «на картошке» весело и многолюдно, как на студии «Ленфильм» среди фанерных декораций. Мелькавшие в газетах статьи о тревожном положении в сельском хозяйстве он просматривал равнодушно: в ленинградских магазинах последние годы было изобилие продуктов».

Идет спор о передвижниках и абстракционистах. Алексей Максимов, один из трех «коллег», говорит: «А Пикассо и Матисс? Это — тоже искусство, готов драться за это. Но не каждый может провести грань между этими вещами. Мне тоже трудно провести. Для того, чтобы провести, нужно разбираться в этом».

Во многом нужно еще разобраться. Но чтобы выбрать свой единственно верный путь в жизни, нужно проникнуть в ее сердцевину, нужно лучше узнать действительность. И не только по кино и книгам, а по людям, которые тебя окружают, по событиям, в которых ты участвуешь.

Мы знакомимся с героями повести в день распределения. И сразу выделяем неприметного парня — Зеленина. Первый его вопрос своему другу Максимову, заданный спокойно, без нажима, сразу же располагает в его пользу.

«— Я хочу жить взволнованно! — заявляет Максимов. — Все равно где, но так, чтобы все выжимать из своей молодости. Судьба сельского лекаря. Надо быть честным. Нас теперь научили смотреть правде в глаза... Какая нас ждет романтика? Вот если бы мне сказали: лезь в эту ракету, и тобой выстрелят в космос, и ты наверняка рассыплешься в прах во имя науки,— я бы только «ура» закричал. А когда мне толкуют, что мое призвание и долг — превратиться в Ионыча, тут уж нет, пожалуйста, не надо красивых слов! Приму, как неизбежность.

— А о больных, которые тебя ждут, ты не думаешь? — спросил Зеленин.

— О больных? — опешил Максимов».

Так начались их споры о распределении.

Так началось распределение.

Так началась дорога в жизнь.

Какую дорогу ты выберешь, Саша Зеленин? Какую дорогу ты выберешь, Алеша Максимов, и ты, Владька Карпов?

Один из любопытствующих подходит к нашим друзьям.

«— Ну, орлы, а вы куда собираетесь?

— В Рио-де-Жанейро, — острит Карпов.

Незнакомец спокойно говорит:

— Что ж тут смешного? Можно и в Рио-де-Жанейро. Мне нужны судовые врачи... Условиями будете довольны. В рейсах двойной оклад плюс валюта. Стол бесплатный. Для ознакомления поработаете несколько месяцев в порту, а потом в путь.

— Куда? — восклицает Максимов.

— Рейсы самые разные — Индия, Аргентина, есть и поближе — Лондон, Антверпен, Гавр. Ну?

— Согласен! — одновременно выпаливают Максимов и Карпов. Остальные задумываются.

— Полная деквалификация,— говорит Зеленин,— это же полная деквалификация, ребята...»

И опять Зеленин думает не только о себе. А Максимов и Карпов видят уже пальмы и зеленый океан, пирамиды и штормы, они слышат уже иностранную речь. Они судовые врачи. Но вместо тяжелобольных, которых во что бы то ни стало надо спасти, вместо белых операционных, вместо борьбы с болезнями — борьба с крысами.

А где же романтика? Борьба со стихией? Вместо этого «мелочи» быта, проза жизни, «маленькие» дела.

Авторская позиция в этом вопросе выражена старым доктором Дампфером: «Человеку важно понять простейшую вещь — свое значение и назначение в обществе. Тогда у него появится настоящее отношение к труду. Тогда он будет жить полной жизнью... Все человечество разделено на две части. Для одних день жизни — это полный день, день целиком. Для других из дня вычеркивается шесть или восемь часов работы. Тогда люди начинают ощущать себя только после того, как повесят номерок или распишутся в книге ухода. Прибавьте сюда часы сна. Сколько остается? А ведь жизнь у нас одна-единственная, такая короткая...» Это слова коммуниста.

Одна-единственная жизнь, такая короткая... Как ею распорядиться? Слова Николая Островского знают все. Знают их и герои «Коллег». Но каждый из них по-своему понимает эту одну-единственную жизнь.

Зеленин считает профессию врача самой прекрасной в мире. И он мало думает о том, что вдали от Ленинграда, от родных, от любимой девушки ему будет тяжело. Он думает о людях, которые его окружают. И поэтому он живет полной жизнью. Как помочь им сделать жизнь прекрасней? Для этого нужно очень многое. Его жизнь протекает в непрерывной борьбе — в борьбе с болезнями, с косностью, с отсталостью, с мещанством, наконец, в борьбе с самим собой.

Так начинает свою «одну-единственную» жизнь Саша Зеленин:

— Сутки езды от Ленинграда, и нет врача — позор! Поехать туда — это мой гражданский долг.

Больничка в Круглогорье мало похожа на мечту молодого врача. Здесь нет ни рентгена, ни лаборатории. Все это надо создавать. И Саша Зеленин включается в борьбу как хозяин жизни.

В меру своих сил перестраивает жизнь Круглогорья долговязый доктор из Ленинграда. Начав с больницы, он не останавливается на полпути. Ему мало больницы. Он организует кружок самодеятельности, устраивает лекцию о современной моде, он вмешивается в жизнь села, в жизнь людей Круглогорья.

Герои «Коллег» напоминают лирического героя Михаила Светлова своею непоседливостью, стремлением к неизведанному, они рвутся в незнаемое, туда, за горизонт:

Там, где небо встретилось с землей,
Горизонт родится молодой.
Я бегу, желанием гоним.
Горизонт отходит. Я за ним.
Вот он за горой, а вот — за морем...
Ладно, ладно, мы еще поспорим!
Я в погоне этой не устану,
Мне здоровья своего не жаль.
Будь я проклят, если не достану
Эту убегающую даль!

Зеленин близок нам тем, что его естественное состояние — постоянное движение, стремление вперед, жажда борьбы.

Максимов в противоположность Саше входит в жизнь с недоверием, он еще плохо ее знает, но уже относится к ней скептически. Алексей еще не разобрался, что для него самое главное. Любит он очень многое:

«— Разве жизнь — только работа?.. Есть другие великолепные вещи: музыка, стихи, вино, спорт, одежда, автомобили... горы, море, закаты, женщины...»

И вот Алешка Максимов, казалось бы, неисправимый скептик, сталкивается с жизнью вплотную. Хочется любить, а любовь приходит трудная, не такая, о какой он мечтал. Он любит женщину, удачно замаскировавшую свою маленькую мещанскую сущность. Вера прекрасно разбирается в жизни, она понимает, что семь слоников над диваном — мещанство, что более приятное впечатление она произведет, если будет бойко говорить о Врубеле, о Маркѐ, Сезане, Матиссе. Ее мещанство имеет новую форму. Но сущность старая — собственничество. Что угодно: умные споры, диссертация, научная работа,— лишь бы закрепить собственность — уютную квартиру, «красивую» жизнь; в понятие собственности входит и добряк-муж. А любовь — это романтика, идеализм, любовь пройдет, когда они вместе будут считать копейки.

Со всем этим сталкивается Алексей Максимов. Круг его интересов гораздо шире, и его, пока еще неустойчивое понимание жизни все же правильнее. Максимова, как и его друзей, волнует вся жизнь, до мельчайших подробностей, и, главное, волнует искренне. Круг вопросов, обсуждаемых друзьями, широк; это вопросы, волнующие все поколение. От проблем коммунизма до современной моды, от Матисса до понимания гражданского долга. Все интересно подрастающему поколению, которое только начинает брать будущее в свои руки.

В конце повести мысли Максимова, которые, без сомнения, раньше воспринялись бы им самим как «полированные словесные булыжники», убеждают читателя. Понимаешь, как нелегко шел Алексей к цели, понимаешь, что эта цель уже ясно видна. Автор показывает, как

сложно идут его герои от высокопарных слов к делам, к творческому труду. Вместе с ними борется Аксенов за то, чему Маяковский посвятил всю свою жизнь,— он стремится «сиять слова заставить заново». «Мы идем, мы все в атаке, в лобовой атаке вот уже сорок лет. Мы держимся рассыпанной по всему миру цепью. Мы атакуем не только то, что вне нас, но и то, что у нас внутри поднимается временами. Уныние, неверие, цинизм — это тоже оттуда, из того мира. Это живет в нас, и временами может показаться, что только это и живет в нас. Нет. Потому мы и новые люди, что боремся с этим и находим свое место в рассыпанной цепи...»

Спасая своего друга Зеленина, и Максимов и Карпов поняли, что все только еще начинается, они ясно осознали свое место в рассыпанной цепи.

Местечко под солнцем и *место в рассыпанной цепи*. Так изменяются на протяжении повести взгляды Максимова.

Место под солнцем — как, в сущности, это ничтожно! Ведь это на самом деле тот же Ионыч, тот, кем боялся стать Алексей.

Место в рассыпанной цепи — как это огромно! Каждый из нас занимает свое место в этой рассыпанной по всему миру цепи.

Равнодушному человеку важно, чтобы ему было тепло, сытно, весело. Работа и борьба не для него.

А в нашем поколении нет равнодушных, мы помним тех, кто погиб на баррикадах Пресни, и тех, кто пал, защищая в сорок первом Москву. Мы думаем о тех, кто придет в мир, построенный нашими руками.

Мысль о взаимной ответственности поколений проходит через всю повесть. Каждый из основных героев постоянно обращается к ней. Наиболее ярко выражает ее Саша Зеленин. Все его поступки и дела подчинены этой мысли. Не случайно уже с первых строк повести, когда автор только знакомит читателя со своими героями, Зеленин в рассказе о себе сразу же сообщает нам о своих предках.

Это не те «предки», которые кормят «чуваков» и «чувих», дают им «монету» на «кабаки», а те, которыми немного застенчиво гордится Зеленин. Это они научили его опытом своей жизни любить жизнь. Кто знает, может быть, благодаря им — магистру философии Петербургского университета, известному путешественнику, политзаключенному Шлиссельбургской крепости — сформировался Сашин характер. Он стремится во всем быть похожим на них и поэтому так упорно ищет свое место в жизни.

Жить для потомков... Строить коммунизм ради тех, кто придет, и во имя тех, кто погиб на Сенатской площади, на Пресне, у Зимнего, у стен рейхстага, во льдах Арктики.

Эта идея еще более полно раскрывается представителем поколения отцов, Егоровым: «Вот было сельцо Круглогорье, ходил народ на зверя, рыбку ловил, сделал революцию, прогнал белых, построил пристань, завод, новые дома, электричество провел, радио, стал поселок Круглогорье... Будет город Круглогорск. А наши дети тут атомную энергию в ход пустят. Эта непрерывная цепь уходит вперед, в грядущие годы, и я вижу: светлые, глазастые дома отражаются в теплой воде, по бетонированным магистралям стеклянные автомобили летят. Круглогорье! А что ты думаешь? Так и будет».

Так и будет, если коллеги — все поколение — с тем же энтузиазмом, с той же трепетной радостью бытия возьмут будущее в свои руки.

Так и будет, если представители поколения отцов — сорокалетних — помогут двадцатилетним строить новый мир.

Так и будет, если так они научатся понимать жизнь, как Саша Зеленин, как начинает ее понимать Максимов.

Мы глядим в глаза нашим ровесникам, о которых рассказал Аксенов, они от нас ничего не утаивают, они прямы и откровенны с нами, примером своей жизни они помогут многим из нас.

Эта повесть — добрый и умный друг молодежи. Пусть ее прочитает любой представитель идущего вперед поколения, она поможет ему выбрать правильную дорогу дерзания и труда.

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ШУТКИ

Рисунки К. Борисова.

«Я читатель журнала «Смена». Работаю учителем в средней школе и заведую кафедрой иностранных языков. Недавно я узнал, что журнал открыл на своих страницах Клуб любителей шутки. Я записал несколько китайских народных сказок и посылаю их вам. Прошу вас представить сказки советским читателям. С приветом

ЧЖАН ШУ-НУН

гор. Циньян, провинция Фуцзянь, КНР».

КИТАЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

БЬЮ ТЕБЯ — ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!

Однажды к монаху-отшельнику пришел бедняк Чу Чжунь. Монах искоса глянул на него и пренебрежительно отвернулся, будто не заметил небогатого пришельца.

В это же время приехал сын высокопоставленного чиновника. Монах засуетился. Он поставил перед приехавшим угощение и долго беседовал с ним за столом.

Чу Чжуню это не понравилось. Когда уехал знатный гость, он гневно спросил монаха:

— Святой отец, почему ты был с ним так любезен, а меня встретил неприветливо?

Хитрый монах блудливо спрятал глаза и сказал:

—Ты не так все истолковал, сын мой! У меня внешняя любезность прикрывает внутреннюю неприязнь и, наоборот, внешняя неприветливость говорит о сердечной любви к ближнему.

У Чу Чжуня была в руках толстая палка. Он взмахнул ею и огрел монаха по спине. Потом добавил еще и сказал:

— По-твоему, бью тебя — значит, люблю тебя, не бью — не люблю? Вот я и доказал тебе свою любовь. Счастливо оставаться, святой отец!

КТО СМЕКАЛИСТЕЙ?

Богатый, но жадный хозяин послал слугу за вином. Он снабдил его пустой бутылкой, а денег не дал.

— Как же я куплю вино без денег? — удивился слуга.

— С деньгами всякий дурак купит,— ответил хозяин.— А вот купить вино, не тратя денег, может только смекалистый человек.

Слуга ушел. Спустя некоторое время он вернулся и подал богачу ту же пустую бутылку.

— Пейте вино, хозяин!

Богач рассердился и закричал:

— Что же пить, если бутылка пуста?!

— Пить вино, когда оно есть в бутылке, всякий дурак умеет,— сказал слуга.— А вот кто выпьет из пустой бутылки, тот действительно смекалистый!

ГЛУПЕЦ И СОЛЬ

Некий глупец был в гостях. За обедом ему подали суп. Он отведал и сказал:

— Невкусно!

Хозяин добавил в тарелку немного соли. Начал есть глупец — совсем другое дело!

«Ага,— сказал он про себя,— чуть-чуть положил соли, и то стало вкусно. А если не пожалеть и положить больше, наверное, язык проглотишь!..»

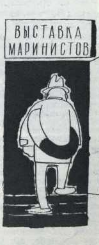
Вернувшись домой, глупец велел принести ему мешок соли. А за ужином он насыпал ее в каждое блюдо по целой пригоршне.

Попробовал ужин — и выбросил!

Перевод с китайского.

— ОПЯТЬ У НЕГО ПОДСТАВНАЯ ТРЕТЬЯ ТОЧКА!

Рисунок О. Суховеева.

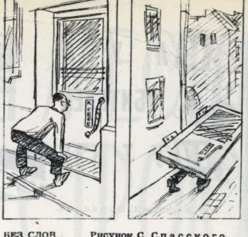


БЕЗ СЛОВ.

Рисунок В. Арсеньева и В. Лозовского.

— А ЕЩЕ НАЗЫВАЕТСЯ СОЗВЕЗДИЕМ РЫБ! ХОТЯ БЫ ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ЕРШИШКА КЛЮНУЛ!

Рисунок В. Дрогалина.



БЕЗ СЛОВ. Рисунок С. Спасского и А. Ларионова.

Шутки-малютки

— Зачем ты купил себе попугая?
— Говорят, он двести лет живет. Хочу проверить!

И. Саратов (г. Макеевка)

Маленькая Лида спускается по лестнице с чашкой в руках.
— Осторожно, Лидочка, не упади!
— Нет, мама, я за чашку держусь.

В. Токарев (г. Ташкент)

«Я твердо решил переквалифицироваться, так как жить и не работать в качестве тунеядца мне надоело. Да и сидеть на содержании бабушкиной пенсии тоже невыгодно...»

(Из дневника молодого человека.)
В. Кутейников (г. Москва)

ВЕЩИ О СЕБЕ

Молоток

— С гвоздями я отлично ладил,
Хоть по головке их не гладил!

Дверь

Хвалиться любит дверь-скрипучка:
— Со мною Сам всегда за ручку!..

Зонт

Не устает стонать и плакать:
— Когда ни выйдешь — дождь и слякоть!

В. Чубенко (г. Запорожье)

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Запятая

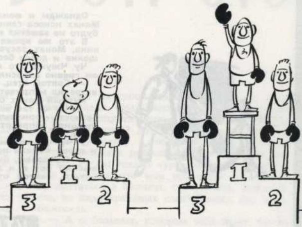
Она своим гордилась положением:
— Я не стою последней в предложении.
Тире в ответ:
— Заслуга в том мала.
Ведь ты и первой сроду не была!

Кавычки

Кавычкам в институте препинания
Недавно дали докторское звание.
Отмечено:
«В кавычкином труде
Есть мысли удивительно большие»,
Однако не отмечено нигде,
Что эти мысли полностью чужие.

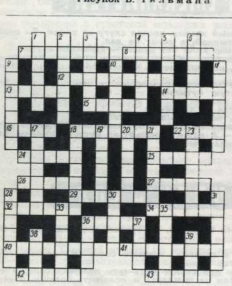
Р. Киреев (г. Симферополь).

ПОСОБИЕ ДЛЯ НАЧИНАЮЩИХ АБСТРАКЦИОНИСТОВ.
Рисунок В. Тильмана



БЕЗ СЛОВ. Рисунок Р. Овивяна

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ.
Рисунок Ю. Салина (г. Лагодехи).



КРОССВОРД

Составил **Б. ФЕДОРОВ.** г. Москва.

По вертикали:

1. Музыкальная пьеса П. И. Чайковского из цикла «Времена года». 2. Исполнитель ролей без слов. 3. Весенний цветок. 4. Победитель в состязании. 5. Ранневесенний съедобный гриб. 6. Цветочная грядка. 9. Рассказ А. П. Чехова. 10. Певчая птица. 11. Музыкальная лирическая пьеса. 17. Герой советской кинокомедии. 18. Овальная дощечка, которая служит художнику для приготовления красок. 19. Прогрессивный американский киноактер, удостоенный Международной премии мира. 20. Пористая горная порода, используемая в строительстве. 21. Целинная степь. 23. Фильм о текущих событиях. 28. Город на Ангаре. 30. Украинское название волынки. 31. Кустарник с душистыми цветками. 33. Оптическое явление на небе. 35. Советский виолончелист. 36. Зонтичное растение, пряность. 37. Марка фотоаппарата. 38. Полупрозрачная ткань. 39. Воспитательное учреждение для маленьких детей.

По горизонтали:

7. Название теплохода на подводных крыльях. 8. Советский прыгун, рекордсмен. 12. Радиотехническое устройство для приема изображения. 13. Английский поэт, революционный романтик. 14. Виноградный черенок. 15. Черноморский курорт. 16. Молодое государство в Вест-Индии, провозгласившее свою независимость в 1959 году. 18. Соцветие кукурузы. 22. Бурятский хороводный танец. 24. Поэтический образ молодца в народном творчестве. 25. Автор «Музыкальной табакерки». 26. Музыкальный ансамбль. 27. Персонаж оперы Ж. Бизе «Искатели жемчуга». 29. Сорт сливы. 32. «Утренняя звезда». 34. Узбекский советский композитор. 36. Самая маленькая шлюпка. 40. Советский поэт, автор известной лирической повести. 41. Чемпион СССР по шахматам. 42. Гуцульский мужской танец. 43. Дерево, дающее «винные ягоды».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7.

По окружности:

1. Горлица. 5. Сонкёль. 9. Светлов. 13 Рашпиль. 21. «Свисток». 22. Реометр. 23. Волынка. 24. Афалина. 25. Острава. 26. Камерон. 27. Игумнов. 28. Картина. 29. Карнавал.

По радиусу:

2. Оптика. 3. «Локомотив». 4. Церера. 6. Олеиин 7. Карбункул. 8. Ливани. 10. «Ванька». 11. Траурница. 12. Опарин. 14. Авилов 15. Пластилин. 16. Листаж 17. Пирамида. 18. Волнушка. 19. Славянск. 20. Балансир.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; очерка и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; информации — доб. 2-29; писем — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-65-82; сатиры и юмора — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров (ответственный секретарь), В. А. Кочетов, В. Л. Разумневич (заместитель главного редактора), Е. И. Рябчиков, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 01280. Подписано к печати 5/V—61 г. Тираж 800 000 экз. Изд. № 968. Заказ № 1039. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. 2 б. л. — 5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ХУДОЖНИКОВ

Недавно Союз художников Якутской АССР командировал в Москву молодого художника-якута Ефима Михайловича Шапошникова. Сейчас, на творческой даче в окрестностях столицы, Шапошников завершает работу над серией линогравюр, которая называется «Саккырырская сюита».

Окончив в 1955 году якутское художественно - педагогическое училище, Шапошников все свои знания и мастерство отдает любимому делу. Его творчество посвящено труду охотников-якутов, оленеводов-эвенков. В своих работах молодой художник воспевает новую счастливую жизнь народов Севера. Последние работы Шапошникова будут представлены в Хабаровске на зональной выставке Дальнего Востока.

Предлагаем вниманию наших читателей некоторые рисунки и гравюры талантливого якутского художника.

«ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОТРЯД»

ПОРТРЕТ ПАСТУХА КОНСТАНТИНА СЛЕПЦОВА

«БОЙ ОЛЕНЕЙ»

«В БРОД»

Цена номера 20 коп.